

80 ЛЕТ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОМУ АВТОНОМНОМУ ОКРУГУ

ВЕХИ ИСТОРИИ

Материалы региональной научной конференции

г. Нижневартовск, 10 декабря 2010 года

**Издательство
Нижневартовского государственного
гуманитарного университета
2010**

ББК 63.3(253.3-6Хан)я43
В 76

Печатается по решению Редакционно-издательского совета
Нижевартовского государственного гуманитарного университета

Рецензент

кандидат исторических наук, доцент *Н.Н.Симачкова*

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук, профессор *Л.В.Алексеева* (отв. ред.);

доктор исторических наук, профессор *Я.Г.Солодкин*;

доктор исторических наук, доцент *В.В.Цысь*

В 76 **80 лет Ханты-Мансийскому автономному округу: вехи истории:** Материалы региональной научной конференции (г.Нижевартовск, 10 декабря 2010 года) / Отв. ред. Л.В.Алексеева. — Нижевартовск: Изд-во Нижеварт. гуманит. ун-та, 2010. — 114 с.

ISBN 978–5–89989–783–3

В сборнике материалов рассматривается широкий спектр проблем политической, экономической и социокультурной истории Ханты-Мансийского национального (автономного) округа.

Книга предназначена для студентов-историков, аспирантов, специалистов, а также всех, кто интересуется историей Югры. Материалы конференции могут быть использованы при подготовке лекционных курсов и для выполнения обобщающих работ по истории Сибири.

ББК 63.3(253.3-6Хан)я43

ISBN 978–5–89989–783–3

© Издательство НГГУ, 2010

Раздел 1

**ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ**

Я.Г.Солодкин

**КНЯЗЬ САМАР И ЕГО «ГОРОДОК»
(К ПРЕДЫСТОРИИ ХАНТЫ-МАНСИЙСКА)**

Длительное время большинство исследователей было убеждено в том, что градостроительство в Западной Сибири начинается в конце XVI в. — уже после «Ермакова взятия» «царства» Кучума¹. Недавно ряд тюменских историков оспорил это суждение, хотя их аргументацию можно признать весомой далеко не во всех звеньях. Сомнителен, в частности, тезис авторов книги об «исторических корнях» Ханты-Мансийска, что «летосчисление» этого города следует начинать с первого и, кстати, единственного упоминания о Самаровом городке (Самар-вош)².

По словам томского исследователя А.М.Малолетко, имя Самара, «возможно, связано с русскими мигрантами из Северного Причерноморья, хотя есть и иные варианты»³. Н.А.Балюк и А.В.Матвееву кажется заслуживающей внимания гипотеза А.М.Малолетко о том, что в XIII—XIV вв. Лукоморье — правобережье Оби от устья Иртыша до реки Казым — заселили мигранты с низовий Дона, которые представляли себя самарами, байбалаками и цыганами, а наименования, производные от этих названий, хорошо известны приобской ономастике и топонимике⁴. По убеждению Н.А.Балюк, имя остяцкого князя, погибшего при взятии его укрепленного поселения соратниками Ермака, «имеет тюркское происхождение»⁵. Такое заключение нетрудно оспорить. Многочисленные Самарины⁶ вели свой род от Самара⁷, точнее, Степана Самары⁸. За 1640-е — 1660-е гг. известен казак, затем атаман Михаил Лукьянов сын Самарин (Самаренин)⁹. Возможно, эта фамилия

восходит к наименованию реки Донецкого бассейна (на Муравском шляхе, которым часто пользовались татары для вторжения в русские уезды). Отметим также, что в сентябре 1641 г. с Дона в Астрахань приехал едисанский татарин Мулкомал Самаров «с товаращи»¹⁰. Еще в XIV в. была известна Самарская лука как пункт на дороге из Золотой Орды в Северо-Восточную Русь. О «Самаре» тогда знали даже в Западной Европе: на итальянской карте 1367 г. на Самарской излучине Волги указан город Самар — по мнению Д.Ю.Кривцова, скорее всего довольно многолюдное поселение, о котором в 1357 г. прослышал митрополит Алексей или кто-то из его свиты на пути в ставку золотоордынского хана¹¹. Согласно Лихачевской разновидности Есиповской летописи, «дружина» Ермака накануне сибирского похода находилась в Самарской луке. По другим данным, атаманы и казаки перед походом за «Камень» собрались в устье Самары¹². Весной 1586 г. русские служилые люди возвели на этой реке одноименный город. В XVI в. возле Переяславля-Залесского существовало село Самарово или Самаровское¹³, а в 1639 г. в Кинешемском уезде — деревня Самарина¹⁴, возможно, одно время принадлежавшая кому-то из Самариных.

С точки зрения Н.А.Балюк, Белогорский городок (Тунг-похош, т.е. крепость святого сына или божьего сына городок), который после гибели Самара стал носить его имя, известен с 1582 г., когда официально был упомянут в летописи¹⁵. Однако это сочинение — сохранившийся в составе ремезовской «Истории Сибирской» Кунгурский летописец — по единодушному мнению исследователей, возникло в казачьей среде. Благодаря ему известно, что в городке, которым владел Самар, с ним «в сборе (находились. — Я.С.) 8 княжцов, ждущие (ермаковцев. — Я.С.) побити силою», но те, возглавляемые пятидесятником Богданом Брызгой, убили Самара «и с родом его»¹⁶. Впрочем, известно, что Самара пережили сын Таир и внук Байбалак. Сомнительно и летописное сообщение о захвате городка у Самаровых гор 20 мая 1582 г.¹⁷ Подобно А.Т.Шашкову можно думать, что «ермаковы казаки» двинулись весной 1583 г. в низовья Оби под началом не Брызги, а атамана Никиты Пана¹⁸. Утверждения, будто «в начале 1582 г. князь Самар предпринимает меры по укреплению Белогорского городка и размещению здесь своей резиденции», где выдержал

трехдневный штурм казаков¹⁹, безосновательны, не исключено, что этот городок являлся ставкой Самара и прежде.

Недавно было высказано допущение, что Самар в качестве вассала сибирского хана участвовал со своими воинами в сражении на Чувашевом мысу (которое принято датировать 23 октября), где решилась судьба «Кучумова юрта»²⁰. Это допущение представляется нам маловероятным. О вторжении «русского полка» в Кашлыке скорее всего узнали в середине сентября 1582 г., и чтобы приказ Самару явиться с отрядом к Кучуму достиг Белогорья и этот отряд выступил к ханской столице, понадобился бы как минимум месяц, не говоря о времени на сборы в поход. (В конце XVII в. считалось, что «по большой воде ... от Тобольска до Самаровых гор ходу две недели»²¹).

На взгляд Н.А.Балюк, после гибели Самара Брызга назначил кодского князя Алача, сына Игичея²², наместником Москвы в этом крае, а передача кольчуги Ермака в святилище белогорского «шайтана» (божества войны Мир-Суснэ-хума), о чем сообщается в Ремезовской летописи, — важная составляющая «политики закрепления Приобья за Русским государством»²³. Последняя оценка кажется нам недоразумением. Ведь панцирь знаменитого атамана в белогорское святилище попал по воле Кучума либо кого-то остяцкого князя в 1584 г., а один из сподвижников Ермака, возглавлявший экспедицию в Обь-Иртышское междуречье, едва ли олицетворял московское правительство, к тому моменту, возможно, даже не знавшее о «Сибирском взятии». Утверждать, что в конце XVI в. Алач сделался главным наместником Москвы в Приобье²⁴, не приходится, ведь с осени 1585 г. существовал Мансуровский городок, с 1593 г. — Березов, а со следующего года — Сургут, воеводам и головам которого поначалу была подведомственна Самаровская волость²⁵.

Н.А.Балюк думается, что, судя по летописи, Самар как вассал Кучума враждовал с Алачем²⁶. «История Сибирская», однако, не содержит и намека на такую вражду. Алач, быть может, тоже находился в зависимости от сибирского «салтана», но, решив, что шансы на успех в борьбе с ермаковцами невелики, счел за благо хотя бы на первых порах им подчиниться. Самар же, не исключено, переоценил возможности противодействия казакам. Он и Алач могли поначалу являться союзниками, но затем кодский

князь предпочел признать себя русским данником в обмен на передачу ему в подчинение всей территории Нижнего Приобья.

Ссылаясь на факт сооружения Мансуровского городка, Н.А.Балуок полагает, что «казаки перенимают бытующую среди коренных жителей практику возведения городков как опорных оборонительных пунктов»²⁷. Но такая практика, причем строительства крепостей, а не городков (временных укрепленных поселений²⁸), одним из которых, очевидно, являлся Самаровский (почему его в «исторические предшественники» Ханты-Мансийска определять вряд ли правомерно), к середине 1580-х гг. русским служилым людям, причем не только казакам, была хорошо знакома по Среднему Поволжью и «крымской украине».

Примечания

¹ В одном документе, ускользнувшем от внимания сибиреведов, это «взятие» отнесено к 1582/83 г. (Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией имп. Академии наук (далее — ААЭ). Т. 2. — СПб., 1836. — С. 123), что подтверждает датировку, обоснованную Р.Г.Скрынниковым и А.Т.Шашковым.

² См., напр.: Цысь, В.В. К вопросу о датировке основания Ханты-Мансийска (Полемические заметки) / В.В.Цысь // Наука, экономика, право в регионах России: Мат-лы Всерос. научно-практ. конф. — Нижневартовск, 2008. — С. 148.

³ Малолетко, А.М. Первая русская колония в Сибири / А.М.Малолетко // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири: Четвертые научные чтения памяти профессора А.П.Бородавкина. Кн. 2. — Барнаул, 2003. — С. 86.

⁴ См.: Со времен князя Самара: В поисках исторических корней Ханты-Мансийска. Переизд. — Ханты-Мансийск, 2007. — С. 111. — Ср.: С. 155, 161.

⁵ Балуок, Н.А. Крепость святого сына / Н.А.Балуок // Сибирский исторический журнал. — 2004. — № 1. — С. 33.

⁶ См.: Акты Московского государства. — Т. 1. — СПб., 1890. — С. 713 (по указателю); Русская Историческая Библиотека (далее — РИБ). Т. 28. — Стлб. 926 (по указателю); Памятники истории Восточной Европы: Источники XV—XVII вв. Т. 8: Осадная книга 1618 г. — М.; Варшава, 2009. — С. 655 (по указателю), и др.

⁷ См.: Веселовский, С.Б. Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии / С.Б.Веселовский. — М., 1974. — С. 120, 129, 138, 170, 188, 278; Панченко, А.М. «Дудино племя» в послании Ивана Грозного князю Полубенскому / А.М.Панченко // Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиции. — М., 1976. — С. 152—153.

Самара — это и музыкальный инструмент (Панченко, А.М. «Дудино племя» ... С. 151. Примеч. 2).

⁸ РИБ. Т. 8. — СПб., 1884. — Стлб. 1226.

⁹ См.: Куц, О.Ю. Биографические сведения о донских атаманах, войсковых есаулах и войсковых дьяках второй трети XVII в. (1637—1667 гг.) / О.Ю.Куц // Очерки феодальной России (далее — ОФР). Вып. 8. — М., 2004. — С. 154—155.

¹⁰ См.: Куц, О.Ю. Азовская оборона 1641 г.: источники и ход событий / О.Ю.Куц // ОФР. Вып. 10. — М.; СПб., 2006. — С. 132, 144, 166, 171. Примеч. 169.

¹¹ См.: Кривцов, Д.Ю. Два волжских предания о митрополите Алексее / Д.Ю.Кривцов // Лествица: Мат-лы науч. конф. по проблемам источниковедения и историографии памяти профессора В.П.Макарихина. — Нижний Новгород, 2005. — С. 119, 120.

¹² Сибирские летописи. — СПб., 1907. — С. 55—56; Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 36. — М., 1987. — С. 120. См. также: Копанев, А.И. Пинежский летописец XVII в. / А.И.Копанев // Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского дома. — Л., 1972. — С. 79.

¹³ См.: Рыков, Ю.Д. Еще раз к вопросу о городском статусе Александровской слободы в эпоху царя Ивана Грозного / Ю.Д.Рыков // Государство и общество в России XV — начала XX века: Сб. статей памяти Николая Евгеньевича Носова. — СПб., 2007. — С. 150; Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века. — М., 2008. — Т. 4. — С. 97.

¹⁴ См.: Писцовые книги Восточного Замосковья. — М., 2007. — С. 180 (Каталог писцовых книг Русского государства. Вып. 3).

¹⁵ Балюк, Н.А. Крепость ... — С. 31, 32, 34, 37. Примеч. 32.

¹⁶ Памятники литературы Древней Руси: XVII век (далее — ПЛДР). Кн. 2. — М., 1989. — С. 580.

¹⁷ См.: Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории. — Нижневартовск, 2009. — Ч. 4. — С. 10. Авторы же книги «Со времен князя Самара...» (С. 136—137, 141, 166) в достоверности летописной датировки не сомневаются. Отметим ошибочность их указаний на князя Семена Глухова, прибывшего с отрядом на помощь Ермаку, и Д.Чулкова как одного из основателей Тюмени (Там же. — С. 137, 148). В 1584 г. за Урал прибыла рать воеводы князя Семена Болховского и головы Ивана Глухова, а три года спустя из Москвы Д.Чулков отправился для закладки «Новой Сибири» — Тобольска.

¹⁸ Шашков, А. Пути за «Камень» и сибирский поход Ермака / А.Шашков // Югра. — 1997. — № 4. — С. 17; Он же. Начало присоединения Сибири / А.Т.Шашков // Проблемы истории России. Вып. 4: Евразийское пограничье. — Екатеринбург, 2001. — С. 36, 49. Примеч. 36, и др.

¹⁹ Балюк, Н.А. Крепость ... — С. 32.

²⁰ Там же. — С. 33; Со времен князя Самара ... — С. 113, 116. Мнение авторов последней книги, что это сражение произошло в Кашлыке, ошибочно.

²¹ См.: ПСРЛ. Т. 36. — С. 77. «По мере тоболянина Бориса Черницына с товарищи» (1686/87 г.), это расстояние составляло 264 версты 800 сажень (Там же. — С. 225, 281—282, 337). В то время от Тобольска до Самарова яма плыли 10 дней (Сибирские летописи. — СПб., 1907. — С. 377).

²² В действительности Игичей приходился Алачу сыном.

²³ Балюк, Н.А. Крепость ... — С. 33. Как представлялось С.В.Бахрушину, в соответствующем рассказе С.У.Ремезова Алач выглядит влиятельным союзником

Кучума (Бахрушин, С.В. Научные труды. — М., 1955. — С. 114). Но, по свидетельству тобольского книжника петровской эпохи, Алач забрал панцирь «ратоборного» атамана уже из белогорского святилища, а не участвовал в «дележе» «ермаковых» доспехов и одежды. См.: ПЛДР. — Кн. 2. — С. 563, 564.

²⁴ Со времен князя Самара ... — С. 103. — Ср.: С. 150—151.

²⁵ См.: Сторожев, В. Материалы для истории русского дворянства. Вып. 2 / В.Сторожев. — М., 1908. — Прилож. — С. 3, 6. Это обстоятельство не раз отмечалось в историографии (Пузанов, В.Д. Сургут в военно-административной системе Сибири / В.Д.Пузанов // Сургут в отечественной истории: Сб. тез. докл. и сообщ. Всерос. науч. конф. — Сургут, 2001. — С. 46; Он же. Военно-административные проблемы развития Сургутского уезда в XVII—XVIII вв. / В.Д.Пузанов // Северный регион: наука, образование, культура. — 2004. — № 1 (9). — С. 55; Шашков, А.Т. Строительство русских острогов в Сургутском уезде в конце XVI — начале XVII в. / А.Т.Шашков // Западная Сибирь в академических и музейных исследованиях: Тез. окруж. научно-практ. конф., посвященной 40-летию Сургутского краеведческого музея. — Сургут, 2003. — С. 32.

²⁶ Балюк, Н.А. Крепость ... — С. 34.

²⁷ Там же. — С. 32.

²⁸ См., напр.: Описание Сибирского Царства: Соч. Г.Ф.Миллером. Кн. 1. — М., 1998. — С. 50, 51, 62—68, 159, 160, 182—185, 210, 216, 224, 225, 227, 230—233, 235, 240, 279, 280, 305, 307, 309, 316, 322—324, 341, 342, 364, 367; ААЭ. — Т. 2. — С. 167; Акты исторические, собранные и изданные имп. Археографическою комиссиею. Т. 3. — СПб., 1841. — С. 38; Кусаинова, Е.В. Русско-ногайские отношения и казачество в конце XV—XVII веке / Е.В.Кусаинова. — Волгоград, 2005. — С. 110. Примечательно, что Песочню (Песочню) определяли как острог и посад и городок (ААЭ. Т. 2. — С. 169).

Н.Н.Симачкова

РОЛЬ ПЕРВЫХ АДМИНИСТРАТОРОВ В ОРГАНИЗАЦИИ ТОРГОВЛИ ПЕРВЫХ СИБИРСКИХ ГОРОДОВ

В период возникновения первых сибирских городов московское правительство пыталось всячески содействовать развитию торговли в Сибири.

Немаловажным аспектом финансовой деятельности воевод и голов является развитие торговли и промышленности в первых сибирских городах.

По мнению Н.И.Никитина, торговля в сибирских городах превалировала над промышленностью, долгое время являясь наиболее важной сферой деятельности их жителей. Торговая колонизация в ряде районов предшествовала колонизации правительственной, прокладывая пути на новые земли отрядам служилых людей

Задача содействия развитию торговли в первоначальный период освоения Сибири русскими возлагалась на воевод и голов. И в этой связи спектр их деятельности был достаточно широк.

В 1596 г. тюменскому воеводе Г.Долгоруку предписывалось создать благоприятные условия для торговли бухарцев и ногайцев; с них запрещалось взимать таможенные пошлины, и «с нашими с русскими людьми и с юртовскими и с ясачными татарами на Тюмени» им разрешили торговать беспошлинно. Воевода должен был проявить к ним «ласку... великую», чтобы «обида б им и насильства никоторого не было». Если торговые люди не успеют распродать товары, то воеводе следовало позаботиться об их размещении до тех пор, пока все не будет продано.

Но при этом сибирским властям предписывалось строго следить за купцами, чтобы они «никакие порухи не чинили», не вели никаких разговоров, кроме как о торговле, и не занимались разведкой (не «лазучили»). В Москве понимали, какую опасность могли представлять бухарцы и ногайцы для русских поселенцев, но все-таки их деятельность способствовала развитию экономических связей не только между отдельными уездами Сибири, но и между европейской и азиатской частями страны.

Известно, что в первые годы существования Сургута правительство отменило торговые и таможенные пошлины с целью привлечения в уезд торговых и промышленных людей, и это дало результаты. Но в 1597 г. правительство сочло, что такая льгота уже не нужна, и приказало сургутским воеводам ликвидировать ее и собирать пошлины, как и в других сибирских городах. Торговые и промышленные люди в 1597 г. подали через сургутского воеводу С.Лобанова-Ростовского челобитную, в которой просили сохранить за ними прежнюю льготу, но ссылка челобитчиков на ту пользу, которую они приносят, доставляя необходимые товары, не была принята во внимание, так как сургутские служилые люди сами пожаловались царю, что торговые и промышленные, люди выкупая у них хлеб, и обрекают тем самым на голод; «то ты

сдел не гораздо, что принял у них челобитную...», — писали из Москвы С.Лобанову-Ростовскому. Затем по жалобе сургутских воевод, что торговые промышленные люди выкупают у инородцев дорогих соболей и лисиц, а те платят ясак в государеву казну плохую «рухлядью», правительство, во-первых, запретило торговлю по инородческим юртам, во-вторых, указало, чтобы торговые люди выменивали у инородцев пушнину низкого качества.

Таким образом, на воеводу Москва возлагала обязанность не столько содействию частной торговли, «сколько заботиться о процветании торговли казны».

Была установлена монополия на торговлю товарами, которые объявили «заповедными». Это в первую очередь ценная пушнина. Воеводам следовало следить за тем, что бы правила торговли «мяжкой рухлядью», установленные центром, не нарушались.

Верхотурскому голове Г.Салманову в 1600 г. предписывалось следить за тем, чтобы торговые люди тайно не торговали с инородцами и не выменивали бы у них ценную пушнину до того, как остяки и вогуличи уплатят ясак. Но контролируя частную торговлю, представители местной администрации порой сами нарушали эти правила, при случае приторговывая «мяжкой рухлядью». Так, в отписке тобольского воеводы Ф.Шереметева туринскому голове Ф.Фофанову запрещалось торговать «мяжкой рухлядью» служилым людям; никому, кроме торговых людей, торговать пушминой было нельзя. Тех же служилых людей, которые продолжали этим заниматься, следовало бить батогами, сажать в тюрьму, а пушнину конфисковывать в пользу государя.

Так московское правительство пыталось централизовать торговлю, максимально увеличить поступления в казну от нее в виде торговых и таможенных пошлин.

В отписке пелымского воеводы П.Шаховского (1598 г.) говорится о взимании торговой пошлины с торговых людей: «велел, ты, государь, нам имать на тебя... с торговых людей десятинную пошлину с сибирских товаров». Десятая часть поступала в царскую казну «с соболей, с куниц, с лисиц, с горностаев... и со всякие мяжкие рухляди». Воевода сообщал в Москву о том, что торговые люди, приехавшие «на Пелым», не платили торговой пошлины, и он описал их товары, взяв «от десяти десятое, лучшее» «на ...государя».

В дальнейшем Казанский приказ постоянно напоминал воеводам о необходимости надзора за торговлей и сбором торговых пошлин. К примеру, в 1604 г. была отправлена грамота верхотурскому воеводе Н.Плещееву с «указом» выявлять торговых людей, торгующих тайно, и конфисковывать у них товары в пользу государя.

Для того, чтобы упорядочить сбор торговых пошлин, поставить торговлю под контроль местной администрации, воеводе следовало построить в городе гостиный двор, где бы торговые люди торговали и хранили свои товары. Создание гостиных дворов полностью отвечало интересам центра и в некотором роде облегчало задачу местным администраторам при сборе десятинной торговой пошлины, а также решало немаловажную проблему охраны торговцев от внезапных нападений инородцев. Мангазейскому воеводе Ф.Булгакову «наказывалось» следить за тем, чтобы купцы нигде не торговали, кроме гостиного двора, тех же, кто нарушал это распоряжение, надлежало подвергать взысканиям, конфисковывая все товары в царскую казну.

В другой царской грамоте верхотурскому голове Г.Салманову (1600 г.) предписывается наладить взимание пошлин с торговых людей на вновь построенном гостином дворе. Голова должен был поставить на гостином дворе «четыре избы, да двадцать амбаров». Теперь с постояльцев и торговцев, размещающих свой товар в амбарах, надлежало взимать пошлины. Для сбора налога голова должен был назначить кого-то из детей боярских, которые могли выбрать себе в помощники жилецких людей, и «привести их к крестному целованью» «на том, ... что им пошлины збирати вправду, нашу казною не корыстоватись».

Товар, который привозили купцы, голове следовало «осматривати» и согласно его стоимости определять размер налога, включая пошлины за постоя и хранение товара. Пошлины с меда, хмеля, сала предписывалось взимать в тех же размерах, что и в центральной России, в Перми или как «будет — нашей казне прибыльнее». Сведения о собранных пошлинах воеводе и голове следовало «по размеры писать в книги подлинно» и «держат их в государевой казне за своими печатями».

Безусловно, основой сибирской торговли была пушнина, и первые ярмарки возникали именно благодаря пушной торговле. Например, «непашенный» Березов получил развитие как торговый

центр, стоявший на путях в бывшую югорскую землю, «в Мангазею и Енисею», но помимо пушнины здесь торговали рыбой, так как рыбная ловля была одним из основных промыслов инородцев.

Купцы везли в Сибирь хозяйственный инвентарь, одежду и продукты. Эти товары были крайне необходимы для развития сибирских городов. В 1601 г. особая царская грамота адресовалась всем воеводам и головам сибирских городов, местным администраторам было приказано «смотреть и беречи накрепко» торговцев.

Центром была разрешена беспошлинная торговля лошадьми и другим скотом, что было связано с необходимостью развития пашенного земледелия. Так, в грамоте тюменскому голове А.Безобразову предписывалось с торговых людей, «которые учнут лошадей и всякую животину продавати, пошлин никаких не имати». В другой грамоте туринскому голове И.Лихареву приказывается прекратить взимать «десятиную пошлину» с казанских татар, черемисов и чувашей, которые торговали в Туринском остроге лошадьми и коровами и несли убытки. Понятно, что в данном случае правительство не столько заботилось об интересах местного населения, торгующего скотом, сколько о развитии пашенного земледелия, ибо постоянно возникала проблема нехватки лошадей и быков.

Но были товары, которые запрещалось покупать у торговцев инородцам, — топоры, ножи и другие режущие предметы. Запрет, введенный Москвой, понятен: эти предметы могли быть использованы против русских поселенцев. Но впоследствии, когда с Кучумом было практически покончено, и большая часть волостей была «обьясачена», царское правительство в ответ на неоднократные челобитные инородцев разрешило покупать топоры, ножи и т.д. для использования их в рыбной ловле, на охоте.

Таким образом, на сибирских администраторов возлагались и задачи организации торговли, взимания торговых пошлин, охраны торговых людей. Насколько эффективно они реализовывались, не вполне ясно. Тем не менее, трудно согласиться с И.А.Андриевским, который писал, что если «воевода не мог оказать большой помощи торговле, то мог наносить ей много вреда». Сибирские воеводы были лишь проводниками политики центра, который ставил перед ними задачу как можно больше увеличить поступление в казну, а уже потом содействовать частной торговле. Безусловно,

нередкими были злоупотребления со стороны администрации, но, на наш взгляд, они носили эпизодический характер и не могли нанести значительного ущерба сибирской торговле.

И.А.Силаева

К ИСТОРИИ КНИЖНЫХ СОБРАНИЙ БЕРЕЗОВСКОГО И СУРГУТСКОГО УЕЗДОВ (XVII в.)

Церкви и монастыри изначально являлись центрами книжности. Так и в Сибири после ее присоединения к России книжные традиции зародились в среде духовенства. Монастыри и церкви обладали к концу XVII в. более значительным репертуаром и количеством литературы по сравнению с началом этого столетия. Обязательным атрибутом любого храма являлось наличие комплекса книг, необходимых для ведения службы. Немаловажную роль играл образованный священник, интересующийся книгой, который занимался формированием церковной или монастырской библиотеки, создавал свою собственную библиотеку. Личными библиотеками монашествующих часто пополнялись библиотеки церковей и монастырей Сибири. Книжные собрания имели, в частности, церкви и монастыри Березовского уезда.

На правом берегу Оби, в 800 верстах от Тобольска на пути к Березову, находился Кондинский Троицкий монастырь. (Название свое обитель получила от речки Кодушки, омывавшей мыс, на котором был расположен монастырь и от которой теперь остался небольшой поток, протекающий по довольно глубокой ложине). Из Москвы было отправлено туда все необходимое: образа, колокола, книги и т.д. (О строительстве церкви и присылке книг в храм свидетельствует опубликованная Г.Ф.Миллером грамота от 10 сентября 1599 г. царя Бориса березовскому воеводе И.Г.Волынскому и голове И.П.Биркину).

Два Октоиха, принадлежащих семье кодского князя Михаила Алачева, вместе с церковными сосудами были направлены его сыном Дмитрием тобольскому архиепископу Герасиму. Эти книги

1 сентября 1631 г. были переданы владыкой кондинской Троицкой церкви.

В 1660 г., согласно описи, в кондинском Троицком монастыре Березовского уезда находился Служебник в полдесть московской печати, Сборник печатный с недели Фарисея до недели всех святых, Книга Кирилла Иерусалимского печатная и Книга о вере печатная, ранее принадлежавшие семье Михаила Алачева.

Патерик Печерский (1661 г.) был передан в Кондинский монастырь в 1667 г. архиепископом Сибирским и Тобольским Корнилием. Первой церковью на месте Кондинского монастыря, основанного в 1657 г., являлась деревянная церковь во имя св. Зосимы и Савватия, построенная в 1602 г. крестившимся в Москве князем Игичеем Алачевым. В 1656 г., перед учреждением в Кодском городке монастыря, там была сооружена и 27 июля освящена деревянная церковь во имя пресвятой Троицы, которая просуществовала ровно 100 лет¹.

Кондинский Троицкий монастырь обладал довольно значительной по тем временам для периферийной обители библиотекой. Об этом свидетельствует ее опись, составленная по указу тобольского митрополита Корнилия в августе 1673 г. (во время переписи монастыря) софийским сыном боярским Г.Протопоповым. Библиотека включала печатные книги: Синодик, Ефрем Сирийский, Житие Николы, Житие Сергия Радонежского и других, Киево-Печерский Патерик, комплект Прологов, Маргарит, Поучения Иоанна Златоуста и другие, киевское издание Беседы, Минею большую и праздничную. В числе рукописей имелись «Иоанн Лествичник», «Исаак Сирийский», Житие Зосимы и Савватия Соловецких².

Помимо богато украшенного рукописного напрестольного Евангелия, хранившегося в алтаре холодной Троицкой церкви, в монастыре имелось 45 книг, из них 29 печатных и 6 рукописных. Остальные 10 книг, указанные в описи, скорее всего также были печатными. При характеристике печатных книг составители описи дат их издания не приводят, но иногда замечают, «московская» это печать или «киевская». В отдельных случаях упоминались книги и старых, и новых изданий. Нередко определяется формат книги или рукописи («в десть», «в полдесть» и «в четверть»). Среди печатных книг встречается Евангелие и Учительное Евангелие.

В последней четверти XVII в. библиотека Троицкой обители продолжала пополняться. Так, около 1678 г. архиепископ Сибирский и Тобольский Павел вложил сюда только что вышедшее из печати напрестольное Евангелие³. На книге Шестоднев московской печати 1663 г. имеется вкладная запись скорописью XVII в., свидетельствующая о принадлежности книги Кодскому монастырю. Книга была прислана из Москвы в 1678 г. В настоящее время она хранится в ханты-мансийском краеведческом музее⁴. По всей видимости, среди книг, присланных в 1678 г. из Москвы в библиотеку Троицкой обители, был и Шестоднев (М., 1663), хранящийся в настоящее время в Государственном музее природы и человека⁵.

На книге «Вечеря душевная» московской печати 1683 г. сделана запись скорописью XVII века: «Сия книга, глаголемая Вечеря душевная, пожаловали великие цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич и великая государыня благоверная царевна и великая княжна Софья Алексеевна всея и Малыя и Белья России самодержцы в Троицкий Коцкой монастырь, что на великой реке Оби...»⁶.

31 ноября 1687 г. находившемуся в Москве кондинскому игумену Макарию была выдана память в Ямской приказ о привозе «государева жалованья» от царей Ивана и Петра Алексеевичей и правительницы Софьи Алексеевны⁷. Так, из Москвы были переданы для храма крест серебряный под золотом, кадило серебряное⁸, две рукописных книги, две книги Симеона Полоцкого — «Обед душевный» и «Вечеря душевная» (изданные уже после смерти писателя в Верхней типографии соответственно в 1681 и 1683 гг.⁹), «Книга Григория Синаита» (сборник слов Григория Синаита, духовного писателя XIV в., автора аскетических сочинений)¹⁰.

В книжное собрание Кондинского Троицкого монастыря в 1698 г. «из домовые казны кир святейшего Адриана, архиепископа Московского и всея России и северных стран патриарха», поступило Евангелие учительное (М., 1686) и Триодь цветная (М., 1692)¹¹.

Березовские монастыри и церкви пополнялись литературой богослужебного характера по инициативе московского правительства. Книги присылались по просьбе священнослужителей или же передавались с направлявшимися в Березовский уезд торговыми людьми.

Книги богослужебного содержания имелись в Коде¹². Сохранились и сведения о принадлежности книг березовским храмам¹³.

В 1607 г. в построенный в Березове храм во имя Рождества Пречистой Богородицы были адресованы книги Октоих на 8 глав, Октоих в полдесть и Служебник печатный в полдесть¹⁴.

В 1621 г. березовским монастырям и церквям недоставало богослужебной литературы¹⁵. Об отсутствии книг и другого «церковного строения» сообщали царю Михаилу Федоровичу и архиепископу Сибирскому Киприану священнослужители, среди которых был Федор Апраксин. Они просили прислать необходимые для богослужения книги и образа.

Не исключено, что уже в начале XVII века при Троицкой церкви в Коде существовала небольшая монашеская община, которую возглавлял игумен Евстратий, по совместительству являвшийся настоятелем храма. Однако в 1608 г. он бил челом, что в Коде в силу ряда причин «приходу не стало». Церковь по распоряжению из Москвы закрыли, а иконы и книги передали в Березов.

В 20-х гг. XVII в. при кодском князе Михаиле Алачеве Троицкая и Зосимо-Савватиевская церкви, пришедшие в упадок, были восстановлены, в них возобновились богослужения. Средств на содержание церквей князь Михаил не жалел. Помимо икон и другой церковной утвари, храмы имели и библиотеки¹⁶.

Несмотря на временный упадок самого крупного Троицкого храма в 1620-х гг., описи и сохранившиеся грамоты свидетельствуют о наличии книжных собраний в Березовском уезде и регулярном их пополнении, осуществлявшемся в основном посредством присылки книг по распоряжениям правительства. В течение всего XVII в. оно заботилось о распространении православия в уезде, почему и способствовало поступлению сюда богослужебной литературы.

Для организации круглогодичного богослужения каждая церковь должна была обладать едва ли не полным 12-томным комплектом Миней. Праздничные комплекты Миней назывались Трефологиями.

Сразу после постройки в храм во имя Рождества Пречистой Богородицы в Березове (1607 г.) наряду с церковной утварью поступили книги, среди которых была и Минея общая печатная в полдесть¹⁷. Комплект из 12 служебных Миней месячных¹⁸,

принадлежащих семье Михаила Алачева, в 1631 г. имелся в кодской Троицкой церкви. О передаче книг в этот храм сообщил в Москву тобольский архиепископ Герасим.

Сохранились данные об отправке в апреле 1686 г. в Березовский уезд четырех книг¹⁹. В подорожной памяти для провоза из Москвы в качестве «государева жалования» исецкому Спасскому монастырю названия книг не указаны.

30 ноября 1687 г. из Москвы были передано Евангелие²⁰ для храма «на Коде» через игумена Макария²¹. В подорожной памяти говорилось о привозе «государева жалованья»²² от царей Ивана и Петра Алексеевичей, правительницы Софьи Алексеевны.

Сохранились сведения о наличии в сибирских монастырях и церквях книг Полууставов. Так, в кондинский Троицкий монастырь Тюменского уезда был направлен Полуустав рукописный в десть, как сообщает опись этой обители.

Часть книг из Троицкого Кондинского монастыря была взята «на Исеть», т.е. находилась в Троицкой Кондинской пустыни, основанной в 1662 г. и расположенной в 98 верстах от Ялуторовска. В описи отмечено 7 таких книг: «Полууставие дестевое», «Общая большая Минея с праздники», «Апостол тетр печатный, в десть», «Часовник», «Книга Кирилл Иерусалимский печатная», «Книга о вере печатная, в десть», а также «Книга Соборник печатная, с недели Фарисея по неделю всех святых»²³.

В начале января 1702 г. отряд служилых людей во главе с Василием Некрасовым и подьячим приказной избы Иваном Васильевым отправился из Тюмени в непроходимые летом Бахметские болота для поимки знаменитого урало-сибирского расколуучителя Авраамия Венгерского. После ареста старца «поимщики» захватили в кельях немало имущества, в том числе целую библиотеку — более двух десятков рукописных и печатных книг²⁴. По распоряжению тюменского воеводы О.Я.Тухачевского шесть книг из захваченных были временно переданы в соборную Рождественскую церковь, пострадавшую от ночного пожара 1 ноября 1699 г., во время которого сгорело 18 книг, а уцелело 7: три Евангелия на престольных, Устав, Треодь постная, Псалтырь с воследованием, Служебник. Таким образом, библиотека соборной Рождественской церкви пополнилась печатными книгами: Апостолом «в десть» (1658 г.), Требником (лето 1655 г.), Книгой Ефрема

Сирина (лето 1653 г.), Октоихом на четыре гласа (лето 1616 г.), Шестодневом (лето 1637 г.), Псалтырью дестевой ветхой без летописи. Книги Апостол и Требник являлись по понятиям официальной церкви пригодными для употребления²⁵.

Библиотека Авраамиева скита сложилась задолго до 1702 г.²⁶

Из 22 книг старца Авраамия Венгерского лишь семь были рукописными. Большой частью библиотеку составляла богослужебная литература, но имелись и пользовавшиеся популярностью в среде старообрядцев книга Кирилла Иерусалимского (М., 1644 г.), Ефрем Сирийский (М., 1653 г.), рукописный Апокалипсис и два рукописных «Цветника» с текстами эсхатологического характера.

Митрополит Тобольский Игнатий в «Сибирских посланиях» 1696 г. упоминал в числе местных «злых» расколоучителей старца Авраамия, придававшего немалое значение эсхатологическим настроениям и теории «чувственного» Антихриста²⁷.

Авраамий Венгерский был постриженником Кондинского Троицкого монастыря. Обнаруживается сходство в репертуаре библиотеки этого монастыря и книжного собрания Авраамия. В конце 1667 г. или в начале 1668 г. Авраамий вступает в «спор о вере» с тобольскими властями, за что его ссылают в туруханский Троицкий монастырь. Через некоторое время он уходит в Кондинскую пустынь на Исети. Вероятно, с ним сюда попали Книга о вере и Кириллова книга²⁸.

К концу 1670-х гг. Авраамий Венгерский и Иван Кодский покидают убежище на Исети. Предположительно они взяли с собой и часть книг, что подтверждается тем, что уже во второй половине 1670-х гг. в Кондинском монастыре обнаруживается нехватка книг и в ответ на просьбу игумена Макария и старцев в декабре 1678 г. из Москвы было послано «в Сибирь в Коцкой монастырь книг и иной утвари церковной на 30 рублей»²⁹.

После Утятской «гари» Ивану и Авраамию вновь приходится скрываться, при этом они вынуждены были передать на хранение книги другим старообрядцам, среди которых был Иван Коробейников. 15 января 1683 г. при обыске Ивана Коробейникова, проживавшего в деревне Гилевской, командой тобольского сына боярского Федора Фефилова были обнаружены в «двух ящиках письма неведомо какие» и 13 учительных книг, изданных при царе Михаиле Федоровиче, среди которых значились Псалтырь,

Часовник и Соборник³⁰. После ареста старцев все конфискованные книги отправили на Софийский двор³¹.

Конкретных сведений о книжных собраниях XVII в. в Сургуте нет. Приходская церковь Сургута, построенная в 1638/39 г., имела престол во имя Михаила Малеина, что обеспечивало присылку богослужебных книг от имени царя Михаила Федоровича³².

Таким образом, в XVII веке даже в отдаленных сибирских монастырях и церквях начинают складываться хотя и немногочисленные, но весьма интересные по своему составу книжные собрания.

В личных библиотеках монастырского духовенства основную часть составляли сборники, включавшие богослужебные сочинения и житийные тексты, поскольку последние были особенно популярны в качестве назидательного чтения.

Книжные собрания березовских и сургутских храмов и монастырей постоянно пополнялись. Покупка, переписка книг, вклады в церкви и монастыри, создание собственных произведений свидетельствовали о развитии здесь книжности и грамотности.

Примечания

¹ Тобольская Епархия. — Омск, 1892. — Ч. 2. — Вып. 4. — Отд. 2. — С. 113—114.

² Шашков, А.Т. Описи книг двух сибирских монастырей XVII в. // Книга и книжное дело в Сибири. — Новосибирск, 1989. — С. 219—220.

³ Книжные сокровища Югры: Рукописные и старопечатные книги из собраний города Ханты-Мансийска. — Екатеринбург, 2003. — С. 8.

⁴ Там же. — С. 124.

⁵ Там же. — С. 8.

⁶ Книги кирилловской печати XVII—XX вв. Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника. — Новосибирск, 1993. — С. 22.

⁷ Очерки истории Коды. — Екатеринбург, 1995. — С. 117.

⁸ Книжные сокровища Югры... — С. 22.

⁹ Шашков, А.Т. Материалы для изучения церковно-монастырских библиотек Урала и Сибири XVII — начала XVIII вв. // Книжные собрания российской провинции. — Екатеринбург, 1994. — С. 82—86.

¹⁰ Ромодановская, Е.К. Избранные труды: Сибирь и литература: XVII век. — Новосибирск, 2002. — С. 28.

¹¹ Шашков, А.Т. Материалы ... — С. 82.

¹² Бахрушин, С.В. Научные труды. — М., 1955. — Т. 3. — Ч. 2. — С. 128—130.

¹³ Березово (Очерки истории с древности до наших дней). — Екатеринбург, 2008. — С. 90, 91.

¹⁴ Книжные сокровища Югры... — С. 8.

- ¹⁵ Описание Рукописного отделения Библиотеки императорской Академии наук / Сост. В.И.Срезневский, Ф.И.Покровский. — СПб., 1910. — Т. 1. — С. 384—385.
- ¹⁶ Книжные сокровища Югры... — С. 12.
- ¹⁷ Там же. — С. 8.
- ¹⁸ Шашков, А.Т. Описи книг ... — С. 219—220.
- ¹⁹ Тобольская Епархия. — С. 56.
- ²⁰ Книжные сокровища Югры... — С. 22.
- ²¹ Покровский, Н.Н. Новые материалы из истории сибирской культуры XVII века // Проблемы изучения культурного наследия. — М., 1985. — С. 240.
- ²² Очерки истории Коды. — С. 117.
- ²³ Шашков, А.Т. Описи книг... — С. 219—220.
- ²⁴ Байдин, В.И., Шашков, А.Т. Историко-культурные традиции населения Зауралья XVII—XIX вв. // Старообрядчество в Тюменском крае в XVII—XXI вв.: Послания, документы, публикации, воспоминания, исследования современных историков. — Тюмень, 2009. — Вып. 3. — С. 8—10.
- ²⁵ Шашков, А.Т. Старец Авраамий Венгерский и его библиотека // Книжная старина Урала. — Екатеринбург, 2001. — С. 8.
- ²⁶ Там же. — С. 10.
- ²⁷ Там же. — С. 9.
- ²⁸ Там же. — С. 12.
- ²⁹ Книжные сокровища Югры... — С. 21.
- ³⁰ Шашков, А.Т. Старец Авраамий Венгерский ... — С. 13—14.
- ³¹ Там же. — С. 14.
- ³² Шашков, А.Т. Из истории церкви Сургута и Сургутского уезда // Северный регион: наука, образование, культура. — 2004. — № 1 (9). — С. 39.

Р.Я.Солодкин, Я.Г.Солодкин

КУЛЬТ СВЯТОГО ДИМИТРИЯ СОЛУНСКОГО В СИБИРИ XVII — НАЧАЛА XVIII ВЕКОВ

Уже в «Кратком описании о Сибирстей земле и о походе атамана Ермака» — одной из ранних исторических повестей, посвященных разгрому ханства Кучума казачьей «дружиной», — говорится о «взятии» русскими Сибирского царства 26 октября — в день, когда отмечалась память святого великомученика Димитрия Солунского¹. О вступлении ермаковцев в Кашлык (Искер) в этот день читаем и в Строгановской летописи, «Повести ...» Саввы Есипова, а также ее многочисленных переработках (56, 72.

Примеч. 40; 79, 84, 111, 122, 132, 243, 307, 361)². В раннем синодике атаманов и казаков (далее — С), погибших в боях с «погаными», к 26 октября отнесено сражение «во уреченном месте» на берегу Иртыша «под Чювашею» (380). Тем самым, как замечает Л.С.Соболева, подвиг Ермака «с товарищи» вводился «в патристическую парадигму христианской и русской истории»³. В С же, заключающем Есиповскую летопись (далее — ЕЛ) Основной редакции, это сражение приурочено к 23 октября, а утром следующего дня, по свидетельству Есипова, повторенному во многих разновидностях его «гистории», «полк» православных двинулся на «столицу» Кучума, которую без сопротивления занял 26 октября (33, 39, 53, 55, 56, 83, 92, 93, 110, 111, 122, и др.). В Распространенной же редакции ЕЛ утверждается, что одолев войско «беззаконного» хана «под Чювашею» 23 октября, атаманы и казаки утром 26 октября «поидоша» к городу Сибири и тогда же заняли его (182, 243, 307, 361). В Мазуринском летописце, согласно которому 26 октября донцы прибыли в этот город, сказано, что решающее сражение с «нечестивыми» произошло возле Тобольска⁴, т.е. вблизи «царской» ставки. С.У.Ремезов тоже считал, что ермаковцы, направившиеся к Кашлыку 26 октября, тогда же вступили в «столицу» Кучума. Последний бежал оттуда, бросив и другие свои резиденции, в тот же день под впечатлением «явления», не оставившего у сибирского «салтана» сомнений насчет будущей судьбы. В представлении Ремезова, однако, бой «у Чювашева града», начавшийся 23 октября, длился до вечера 25 октября. Наутро следующего дня, после того, как «преста подчювашская брань», казаки «прославиша явльшагося имъ заступати во граде их великомученика Димитрия Селунского», и безбоязненно тронулись к этому городу (Сибири или Кашлыку). Однако в перечне «явлений», бывших в «Закаменькой стране», особенно Тобольске, упоминается и случившееся «в приходе Ермака — великомученикъ Димитрий в 89-мъ (1580. — Я.С.) ноября в 23 день»⁵. Скорее всего перед нами один из многочисленных анахронизмов, постоянно встречающихся в ремезовской «Истории», которая часто, но думается, неоправданно, принимается за вершину в развитии сибирского летописания⁶. Ее автор, пользовавшийся ЕЛ Распространенной редакции, отверг версию о двухдневном отдыхе атаманов и казаков, одержавших победу близ

Кашлыка, накануне занятия ими этого «града». Зато сражение, решившее участь «Сибирского царства», под пером знаменитого тобольяка стало многодневным: начавшись 23 октября, оно продолжалось еще двое суток. (Заметим, что Г.Ф.Миллер, в большинстве случаев следовавший показаниям Ремезовской летописи, «главный бой под Чювашем» датировал 23 октября, а бегство разгромленного там Кучума — 25 октября или же ночью на следующий день⁷).

По предложению Ремезова (соотнесившего, как думается Е.И.Дергачева-Скоп, «взятие» Сибири с «победой Дмитрия Донского»⁸), построенные в 1712 г. в Тобольском Кремле на месте деревянных Софийских каменные ворота были названы Дмитриевскими. В представлении В.В.Кириллова переименование «имело под собой определенные идейно-политические мотивы», «воротам придавался смысл мемориального сооружения»: с праздником святого Дмитрия связывалась победа над Кучумом 26 октября⁹. (Не исключено, что в тот день ермаковцы, действительно, разгромили войска сибирского «салтана» «под Чювашею», но позднее стало считаться, что тогда «русский полк» занял Кашлык).

В датирующемся серединой XVII в. Абрамовском виде ЕЛ Основной редакции в отличие от других не только подчеркивается, что ермаковцы завоевали Сибирь «помощию всесилнаго (Господа. — Р.С., Я.С.) и угодником его страсотерпцем Димитрием» (названным «мироточцем»¹⁰), но и вслед за рассказом о безуспешной осаде Кашлыка бывшим приближенным Кучума Карачей отмечено: «И живящее казаки во граде Сибири, славящее Бога и его угодника Димитриа» (93, 95). Эти указания, видимо, принадлежат создателю «Летописца Тобольского», как называется в рукописи данная разновидность ЕЛ.

В Головинской редакции «Описания о поставлении городов и острогов в Сибири по взятии ея ...» говорится о закладке в Тобольске 4 мая 1679 г. Никольской церкви (освященной 3 декабря того же года) с приделом чудотворца Дмитрия Солунского (215)¹¹. Алтарь этого великомученика находился в тобольском храме Введения Пресвятой Богородицы в 1741 г.¹² Храм великомученика Дмитрия Солунского в конце XVII в. имелся в Березове¹³.

Комментируя ЕЛ, Е.К.Ромодановская заметила, что «селунский мироточец» «в народе почитался как покровитель Сибири»¹⁴.

(Сходное мнение ранее высказал Е.В.Пуль, отметивший, что в 1608 г. в Николаевском храме верхотурского Свято-Николаевского монастыря был сооружен придел Дмитрия Солунского¹⁵). Литературные сочинения XVII в., о которых шла речь, прямо это мнение не подтверждают. Тем не менее мы вправе говорить о существовании в то время в «далечайшей государеве вотчине» наряду с куклами Варлаама Хутынского, Стефана Пермского, Знамени Богородицы и почитания Дмитрия Солунского.

Примечания

¹ Сибирские летописи. — СПб., 1907. — С. 308; Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). — М., 1987. — Т. 36. — С. 74. Следом ссылки на второе из этих изданий приводятся в тексте.

² Сибирские летописи. — С. 25. См. также: Описание Сибирского Царства: Соч. Г.Ф.Миллером. — М., 1998. — Кн. 1. — С. 109; Алексеев, В.Н. Новонайденная икона С.У.Ремезова «София Премудрость Божия» из Тобольского Успенского Софийского собора // Семен Ремезов и русская культура второй половины XVII—XIX веков. — Тобольск, 2005. — С. 111, 113. С точки зрения Р.Г.Скрынникова, ермаковцы не забыли, что заняли Кашлык в день Дмитрия Солунского (Скрынников, Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. — 2-е изд., испр. и доп. — Новосибирск, 1986. — С. 153).

³ Соболева, Л.С. «Государев атаман» Ермак Тимофеевич: векторы идеализации // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI—XX вв. — Новосибирск, 2005. — С. 304. О культе Дмитрия Солунского в домонгольской и Московской Руси см.: Там же. — С. 301, 303—304; Писарев, Н. Домашний быт русских патриархов. Казань, 1904. Прилож. С. 87; / Яковлева О.А. / Пискаревский летописец // Материалы по истории СССР. — М., 1955. — Вып. 2. — С. 151; Повесть о победах Московского государства / Изд. подг. Г.П.Енин. — Л., 1982. — С. 35; Памятники литературы Древней Руси (далее — ПЛДР): Вторая половина XVI века. — М., 1986. — С. 460, 462; ПЛДР: XVII век. — М., 1988. — Кн. 1. — С. 115; Хорошкевич, А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. — М., 2003. — С. 533—534, и др.

⁴ ПСРЛ. М., 1968. Т. 31. С. 142. Этот летописец, сложившийся в Москве в конце XVII в., восходит к источнику сибирского происхождения.

⁵ ПЛДР: XVII век. — М., 1989. — Кн. 2. — С. 557—559, 569—570. Утверждение, будто 26 октября 1582 г. Кучум был разбит Ермаком (Трепавлов, В.В. История Ногайской Орды. — М., 2001. — С. 324), неточно.

⁶ См., напр.: Копылов, А.Н. Ермак и его дружина в культурной традиции Сибири XVII—XIX вв. // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем: Тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф. — Новосибирск, 1981. — Вып. 1. — С. 20; Резун, Д.Я.

Очерки истории изучения сибирского города конца XVI — первой половины XVIII века. — Новосибирск, 1982. — С. 52.

⁷ Описание ... — Кн. 1. — С. 104—106, Л. 1 об.

⁸ Дергачева-Скоп, Е.И. Заметки о жанре «Истории Сибирской» С.У.Ремезова. Статья вторая // Проблемы литературы Сибири XVII—XX вв. — Новосибирск, 1974. — С. 12. На взгляд видной исследовательницы сибирской книжной культуры, Ремезов ставил Ермака в ряд с Дмитрием Донским (Там же. — С. 17).

⁹ Кириллов, В.В. Ансамбль Тобольского Кремля (Опыт создания общегородского публичного центра раннепетровского времени) // Семен Ремезов ... — С. 77, 80. Сооружение Дмитриевских ворот не было завершено; над ними шведские военнопленные построили казенную палату или рентерею (Там же. — С. 86, 93).

¹⁰ Ср.: Временник Ивана Тимофеева. — М.; Л., 1951. — С. 28.

¹¹ См. также: Кузнецов, Е.В. Сибирский летописец. — Тюмень, 1999. — С. 96.

¹² См.: Миллер, Г. Курдюмка, Пилигримка, Княжева ... Сибирская столица 1741 года в описании академика Г.Ф.Миллера // Родина. — 2004. Спец. вып.: Тобольск — живая былина. — С. 20.

¹³ Таможенные книги сибирских городов XVII века. — Новосибирск, 2004. — Вып. 6: — Томск: Нарым: Березов. — С. 65. Такая церковь была и в Новгороде Великом (на Славкове улице). В 1627 г. митрополит Киприан (ранее являвшийся первым архиепископом Тобольским) по патриаршей грамоте учредил ежегодное — в четвертую неделю Великого поста — празднование чудотворной иконы Димитрия Солунского, хранившейся в этом храме. См.: Бегунов, Ю.К. Из истории новгородских легенд XVII в.: «чудо» Димитрия Солунского в Новгороде в 1627 году // Русь и южные славяне: Сб. статей к 100-летию со дня рождения В.А.Мошина (1894—1987). — СПб., 1998. — С. 358—362; Романова, А.А. Чудо о иконе Димитрия Солунского в Новгороде // Словарь книжников и книжности Древней Руси. — СПб., 2004. — Вып. 3. — Ч. 4. — С. 270. Храмы в честь Димитрия Солунского строили в XVII в. и на юге Московского государства. См., напр.: Глазьев, В.Н. Страницы ранней церковной и монастырской истории города Воронежа и Воронежского уезда // Церковь и ее деятели в истории России. — Воронеж, 2001. — Вып. 2. — С. 60; Папков, А.И. Складывание церковной структуры в южных уездах Российского царства в XVI — начале XVII в. // Сословия, институты и государственная власть в России: Средние века и раннее Новое время: Сб. статей памяти академика Л.В.Черепнина. — М., 2010. — С. 775. Ср.: Французова, Е.Б. Письменные источники о структуре псковских иконостасов в XVI в. // Там же. — С. 201.

¹⁴ Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века / Изд. подг. Е.К.Ромодановская и О.Д.Журавель. — Новосибирск, 2001. — С. 367.

¹⁵ Пуль Е.В. Основные этапы истории верхогурского Свято-Николаевского мужского монастыря // Верхогурский край в истории России. — Екатеринбург, 1997. — С. 76.

ПЕТР СИМОН ПАЛЛАС — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

«Можно без преувеличения сказать, что и до сего времени... не было и нет другого ученого, которому Россия была бы настолько обязана исследованием своих природных богатств и быта населяющих ее народов, как Петру Симону Палласу».

(Кеппен Ф. Паллас / Русский биографический словарь. 1902)

Пожалуй, не найти на Олимпе российской науки более славное имя, чем Петр Симон Паллас. И дело даже не в том, что этот ученый был одним из величайших естествоиспытателей своего времени. Как справедливо заметил В.И.Вернадский, П.С.Паллас был *«природным немцем, ... отдавшим всю жизнь России»*¹. За свою недолгую жизнь он сделал для изучения природы нашей Родины, этнологии и истории ее народов больше, чем иные современные институты. Можно сказать, что П.С.Паллас был одним из титанов Просвещения. Так что интерес к его личности и творчеству у нас не случаен. Кроме того, на следующий год приходится двухсот семидесятилетие со дня его рождения и двухсотлетие со дня его смерти.

П.С.Паллас родился в Берлине 22 сентября 1741 г. Его отцом был Симон Паллас — выходец из Восточной Пруссии, доктор медицины, один из лучших хирургов своего времени, а матерью Сусанн Лиенард, происходившая из семьи гугенотов, беженцев из Меца. Родители с молодости готовили П.С.Палласа к медицинской практике. Отец Петера Симона хотел, чтобы сын пошел по его стопам. И, как было принято в то время, молодого человека учили как классическим, так и современным языкам. И уже в тринадцать лет П.С.Паллас знал в совершенстве английский, французский, латинский и греческий языки. Так что не стоит удивляться тому, что уже в 1754 г. он смог слушать лекции в Берлинской медико-хирургической коллегии², где изучал анатомию, физиологию, акушерство и хирургию. Правда, наряду с ними молодой П.С.Паллас увлекся ботаникой и зоологией. Дело в том, что уже

в юные годы он решил стать естествоиспытателем. Именно этим можно объяснить тот факт, что, прослушав к 1758 г. курс в Берлинской медико-хирургической коллегии³, молодой человек продолжил учебу в университетах Галле и Геттингена, где изучал педагогику, философию, горное дело, а так же зоологию и ботанику (по системе Карла Линнея), агрономию, математику и физику. В 1760 году он поступил в Лейденский университет, где уже в девятнадцать лет защитил докторскую диссертацию «*De infestis veventibus intra viventia*» (лат. «*О вредителях, живущих внутри организмов*»). Затем П.С.Паллас привел в порядок естественно-исторические коллекции в Лейдене и посетил Англию с целью изучения ботанических и зоологических собраний⁴; а в 1762 году вернулся в Берлин. В следующем году по разрешению родителей отправился в Голландию, чтобы найти себе подходящую работу, но ему этого, несмотря на усиленные научные занятия, сделать не удалось⁵. В Голландии, в 1766 году, были опубликованы его первые научные работы «*Elenchus zoophytorum*» и «*Miscellanea zoologica*». Они были посвящены анатомии и систематике низших животных и включали описание нескольких новых для того времени видов. П.С.Паллас внес существенные изменения в линнеевскую классификацию червей. Ученый отказался также от «*лестницы существ*» (идея которой восходит еще к Аристотелю, но особенно была распространена среди натуралистов в XVIII в.), высказывал идеи эволюционного развития органического мира и предложил графически располагать последовательные связи основных таксономических групп организмов в виде родословного древа с ветвями. Благодаря этим работам, выявившим как наблюдательность, так и проницательность П.С.Палласа, он быстро стал известен среди европейских биологов. Заметим, что его систему классификации животных позже похвалил и развил Жорж Кювье⁶. Впоследствии, с утверждением идеи эволюции в биологии, схема П.С.Палласа стала основой систематики. За свои работы ученый был избран в 1764 году членом Лондонского королевского общества и академии в Риме.

Молодой ученый стремился проверить свои теории на практике. Для этого он планировал совершить путешествия в Южную Африку и Южную и Юго-Восточную Азию, но по настоянию

отца он отказался от этих замыслов, и в том же 1766 году вернулся в Берлин, где начал работать над «*Spicilegia zoologica*» (лат.).

Однако недолго продлилась размеренная жизнь новоявленного кабинетного ученого. Двадцать второго декабря 1766 г. он был избран действительным членом Петербургской академии наук. Тридцатого июля 1767 г. он прибыл в Северную Пальмиру. Вероятно, П.С.Паллас откликнулся на приглашение российских ученых только потому, что ему предоставляли возможность исследовать необъятные территории великой империи. Дело в том, что Екатерина II (1762—1796) уже в первые годы своего правления поставила перед Академией цель — исследовать минералогические, животные и растительные ресурсы России. К этой работе и подключили молодого ученого. Сразу же по прибытии ему была поручена подготовка астрономической экспедиции на Камчатку. Позже, П.С.Паллас отправился с одним из пяти отрядов физической экспедиции⁷ в Поволжье и в Сибирь. В 1770 г. П.С.Паллас посетил наш край. К сожалению, ученый не смог задержаться в нем на длительное время. Следуя в Красноярск, он лишь ненадолго останавливался в Тобольске и в Тюмени⁸. Но плодами его недолгого пребывания в нашем крае стало не только описание животного мира Сибири, но и уникальный словарь хантыйского и мансийского языков, изданный П.С.Палласом в 1787 г.⁹ Ученый уделил внимание и описанию быта народов Западной Сибири. По его свидетельству, в регионе было крайне слабо развито земледелие, а большинство местных жителей промышляло охотой и собирательством. Правда, у русских поселенцев были огороды, на которых выращивали овощи.

К сожалению, здоровье П.С.Палласа, расстроенное за шесть лет путешествия, не позволило ему продолжить исследование Сибири. Ученый вернулся в Петербург и более не помышлял об экспедициях за Уральские горы. В 1796 г. он получил поместье в Крыму, в котором проживал долгие годы. Ученый обратился к агрономии, а также изучал быт местных жителей. В последние годы жизни, среди прочего, Паллас занимался подготовкой фундаментального трехтомного труда по фауне России «*Zoographia rosso-asiatica*» (лат. «Российско-азиатская зоология»), в котором были представлены более 900 видов позвоночных, включая 151 вид млекопитающих, из них около 50 ранее науке неизвестных.

По обширности материала и тщательности, разносторонности описания животных ему долго не было равных. Вплоть до начала XX века книга оставалась главным источником знаний о фауне России. Первый том был готов уже в 1806 году, но печать затянулась на четверть века из-за художника Гейслера, который, уехав в Германию, заложил изготовленные им таблицы рисунков к этому сочинению¹⁰. В январе 1810 года Паллас обратился в Академию наук с просьбой о бессрочном отпуске в Берлин, где он мог бы лучше следить за работой над иллюстрациями для своей книги. В марте отпуск с сохранением жалования был разрешен, и в июне, проследовав через Броды и Бреславль, Паллас прибыл в Берлин. Здесь он в почете и уважении прожил лишь один год и, так и не увидев свой главный труд изданным¹¹, скончался за две недели до семидесятилетия, 8 сентября 1811 года.

Итак, даже краткое изложение научной биографии П.С.Палласа позволяет сформировать представление о нем как об одном из величайших российских ученых. В своих многочисленных печатных работах (всех их более 170) он выступает как путешественник, зоолог, ботаник, палеонтолог, минералог, геолог, топограф, географ, медик, этнолог, археолог, филолог, даже сельский хозяин и технолог. Несмотря на такое разнообразие специальностей, он не был поверхностным ученым, а был настоящим энциклопедистом. Память о П.С.Палласе будет жить вечно.

Примечания

¹ Вернадский, В.И. Очерки по истории Академии наук // Труды по истории науки в России / Сост. Багракова, М.С., Неаполитанская, В.С., Фирсова, Г.А. — М., 1988. — С. 223—224.

² Кеппен Ф. Паллас / Русский биографический словарь / Под набл. А.А.Поповцева. — СПб., 1902. — Т. 13. Павел—Петрушка. — С. 154.

³ Там же.

⁴ В тоже время отец призывал его изучать работу английских госпиталей // Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. — С. 159

⁷ Он, собственно, и подготовил план работы экспедиции // Там же. — С. 154.

⁸ Там же. — С. 155.

⁹ Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею Высочайшей Особы. Отделение первое, содержащее в себе европейские и азиатские языки / Сост. П.С.Паллас. — СПб., 1787. — Ч. I.

¹⁰ Кеппен Ф. Паллас / Русский биографический словарь / Под набл. А.А.Поповцева. — СПб., 1902. — Т. 13. Павел–Петрушка. — С. 157.

¹¹ Он был напечатан только в 1831 г. // Там же. — С. 158.

Ж.В.Король

**ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР
БЛАГОУСТРОЙСТВА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ГОРОДСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ
XIX — НАЧАЛЕ XX вв.**

В исторической науке накоплен значительный потенциал научно-теоретического осмысления места и роли органов местного управления. Историография довольно обширна. Ее можно разделить на три периода: 1) дореволюционный (до 1917 г.), 2) советский (1917 г — начало 1990-х гг.), 3) современный (с начала 1990-х гг. по настоящее время). Критерием для данной периодизации является приоритет в исследованиях в определенные периоды различных теоретических подходов и методологических принципов.

Следует отметить, что каждый период историографии по-своему интересен, работы представляют огромную историческую ценность, дополняют друг друга. Даже идеологические окраски помогают почувствовать дух времени исследователя, понять вопросы актуальные не только для исследуемого периода, но и десятилетия, конкретного года, в силу их злободневности.

Историографический обзор построен на основе нескольких принципов, среди которых ведущие позиции принадлежат хронологическому и проблемно-тематическому. Их сочетание, на наш взгляд, является наиболее оптимальным, поскольку литература по данной теме хорошо группируется по периодам, а внутри них систематизируется на проблемно-тематические блоки. Дореволюционная историография потребовала особого внимания к систематизации литературы, т.к. в ней представлен более широкий спектр различных точек зрения авторов, и региональный охват

проблемы, предусматривающий деление публикаций на общероссийские и региональные. Последний принцип использован и при анализе достижений советского и новейшего периодов в историографии.

Дореволюционная историография, посвященная городскому самоуправлению, представлена исследованиями, в которых основное внимание уделяется критическому анализу Городового Положения 1870 г. и 1892 г.¹ Например, вопросам взаимоотношенности реформ местного управления и самоуправления уделялось внимание в работах Г.А.Герасименко, А.А.Головачева, И.Тарасова². Следует отметить рецензии, затрагивающие изучение общего значения реформы самоуправления. М.В.Буданов, подробно проанализировав работы И.Дитятина исследовательский интерес акцентирует на степени автономности городов после 1870 г.³ Сомнения и размышления М.В.Буданова были частью непрекращающихся споров, которые начались на страницах исследований с XIX в. о том, является ли система местного самоуправления самостоятельной, независимой от государства структурой власти или же она занимает ее низшую ступень. В данном контексте сложились во второй половине XIX в. общественная, государственная, хозяйственная, юридическая, политическая и общинная теории местного самоуправления.

В качестве второго направления в дореволюционной историографии, можно выделить изучение истории отдельных западно-сибирских городов. Ценный фактический материал о городах западносибирского региона присутствует в работах чиновников — А.Латышева, Ю.А.Гагемейстера, Н.В.Турчанинова, Н.А.Кострова, К.М.Голодникова, П.Клокова, Н.Д.Путинцева⁴. Описывая бурный рост сибирских городов в начале XX века, многие авторы отмечали, что «в деле мощения улиц, освещения, водоснабжения и удовлетворения очередных школьных и медицинских нужд города Зауралья в последние годы лихорадочно соперничали друг с другом. Почти каждый город ревниво следит за ходом и успехами городского дела в других центрах»⁵. В исследованиях описательного характера Н.Кострова и К.Голодникова, заведовавших губернскими статистическими комитетами, основными источниками были данные губернской статистики.

Областники, отстаивавшие идею самобытности Сибири, особое внимание уделяли географическим условиям расположения городов. В статье Г.Н.Потанина «Города Сибири» дана своеобразная характеристика городам. По его мнению, Омск — это «город Акакиев Акакиевичей», который с проведением железной дороги из военного лагеря «стремится превратиться в купеческий пакгауз», Тюмень — «самый заводской город Сибири», «чистейшей воды Тит Титыч». Также в этой статье Г.Н.Потанин выделил типы городов по их функциональному значению: буржуазные, т.е. торгово-промышленные и бюрократические, т.е. административные центры⁶.

Следует отметить, что в урбанистической литературе первого периода вопросам организации городского управления уделено весьма мало места. Поэтому особую ценность для нашего исследования представляет работа Г.Б.Байтова⁷, посвященная 25-летию введения городского самоуправления в Барнауле.

В конце XIX — начале XX вв. появились научные труды ученых (например, исследования санитарно-гигиенических показателей воды, почвы и т.д.), что было связано с развитием высшего образования в Томске, привлечением к решению городских проблем профессорско-преподавательского состава. В 1912 г. в Томске был опубликован сборник статей, освещавших различные аспекты городской жизни этого города⁸.

Отдельное место в историографии дореволюционного периода занимает проблема взаимоотношений выборных учреждений и полиции. В связи с этим в публицистике и документальных материалах поднимались вопросы зависимости органов самоуправления от полиции; возможности организации полиции общественной безопасности, подчиненной непосредственно этим органам, и др.⁹

Серьезные исследования хозяйственной и финансовой деятельности городского самоуправления сделал профессор финансового права И.Х.Озеров. Особое внимание в его трудах уделено хозяйственной и финансовой политике русских городов, причинам и динамике роста дефицита их бюджетов. Сопоставление бюджетов российских и европейских городов указывает на значительное отставание отечественных городов в хозяйственном развитии¹⁰.

В работах досоветского периода внимание авторов, за редким исключением, привлекали, главным образом, недостатки

организации деятельности городского общественного управления, которые объяснялись несовершенством законодательства, недальновидной политикой правительства, половинчатостью и незаконченностью реформ и т.п.

В начале XX в. появлялась литература не только справочного характера с критикой состояния благоустройства городов, но и теоретические работы. Особый интерес представляет труд В.Н.Семенова «Благоустройство городов», с помощью компаративного метода изложены теоретические основы внешнего благоустройства в Европейских странах и Российской империи, а также их реализация на практике¹¹. Концептуальной основой работы В.Н.Семенова является, появившаяся в начале первого десятилетия XX в. и ставшая популярной в то время теория города-сада. Данная теория получила продолжение в исследовании Л.А.Велихова «Основы городского хозяйства» 1928 г., которое в числе работ советских исследователей отличается широтой изучаемой проблемы¹². Л.А.Велихов эмоционально охарактеризовал результат муниципальной деятельности изучаемого периода по благоустройству как «нечто вроде неблагоустроенного благоустройства»¹³.

В 20-е гг. XX в. были заложены основы не только методики изучения ведения городского хозяйства, но и методологии. Например, урбанист Н.П.Анциферов для изучения города рекомендовал комплексно-синтетический метод, направленный на учет всевозможных критериев при проведении исследования¹⁴. Следует отметить, что в настоящее время комплексный подход является одним из востребованных и популярных при проведении научных исследований.

Первые исследования по изучению отдельных компонентов внешнего благоустройства появляются в середине XX в., после завершения Великой Отечественной войны, что было связано с актуальной в то время задачей восстановления городов. Истории водоснабжения в России посвятил свою работу проф. Н.И.Фальковский¹⁵, осветив вопросы обеспечения водой как в мирное время, так и в военных условиях. Его монография содержит сведения о состоянии водоснабжения с X века до второй половины XIX века, когда началось развитие городских водопроводов и канализации.

Утвердившийся в науке классовый подход к изучению городских реформ второй пол. XIX в. неизбежно ставил перед исследователями вопрос об их социальной направленности. Уральский ученый М.А.Горловский отвечал на него довольно однобоко: «Городская реформа не выходила из общего плана правительственных реформ 60-х гг., в которых В.И.Ленин видел «безвредные для самодержавия и для эксплуататорских классов реформы»¹⁶. «Все подготовительные работы к ней и впоследствии самый закон — Городовое положение 16 июня 1870 года подтверждают, что она проводилась в интересах правящих классов»¹⁷. Нам представляется, что вывод в целом не является негативным, т.к. отсутствует указание на то, что реформа была направлена против интересов городских обывателей. Авторская формулировка «правящие классы» не совсем понятна. Рассматривая идеологический термин в отношении центральной власти, следует отметить, что городская реформа была существенным шагом в передаче рычагов управления местными делами на уровень, являвшийся источником этих дел. На этом уровне в большинстве городов Западной Сибири к руководству пришло купечество. Социальная и промышленная инфраструктура города определяла лицо местной власти. При наличии в городе университета на муниципальные управленческие решения существенное внимание оказывала университетская профессура. В промышленных городах во главе городов становились инженерные кадры. Выборной процедуре и составу городских уполномоченных посвящен труд И.С.Попова «Как и кого выбирали в Томскую городскую думу»¹⁸, подтверждающий наши выводы по работе М.А.Горловского.

Во многих работах советского периода, нередко насыщенных интересными фактами, явно прослеживается отсутствие преемственности и взаимосвязи с событиями дореволюционной России, и акцентируется внимание на идеологическом ракурсе изучения проблемы. Так, в основе исследования «Сибирь индустриальная» отчет времени индустриализации в России, начинается с первой пятилетки (1928 г.), «охвачены все 50 лет Советской власти, основное внимание уделено периоду создания материально-технической базы коммунизма». В разделе «Энергетика» исследование исторических причин и предпосылок технической революции заменено на строчку о том, что «Маркс предвидел новую

техническую революцию, которую должно было вызвать применение электрической энергии»¹⁹.

В 1968—1969 гг. была опубликована пятитомная «История Сибири с древнейших времен», что явилось крупным событием в сибирской исторической науке, заметным явлением в историографии сибирских городов.

На втором этапе развития отечественной историографии появились специализированные работы по истории водоснабжения и электрификации в России и Сибири. В нач. 70-х гг. В.В.Алексеев в работе «Электрификация Сибири» отмечает, что «важной и вместе с тем трудной задачей является изучение социально-экономических последствий современного энергетического строительства в Сибири. Это строительство внесло серьезные коррективы не только в экономическую, но и физическую географию района»²⁰. Перед историками В.В.Алексеев ставит задачу «внести свой вклад в обобщение опыта проектирования и строительства сибирской энергетики, которая имеет давнюю и яркую историю»²¹.

В рассматриваемый период историографии особое внимание было уделено истории после 1917 г.²² и изданию сборников документов отдельных городов²³. Настоящим украшением историографии советского времени были исследования высокого теоретического уровня по истории благоустройства городов, обусловленные интенсивной урбанизацией. В работе «Благоустройство городов» «наряду с вопросами охраны окружающей природной среды от вредного воздействия влияния городов» ставились задачи «создания и поддержания полноценной жилой среды в сложном городском механизме»²⁴. Следует отметить, что внимание ученых было сосредоточено на изучении и формулировке необходимых рекомендаций северным городам в связи с промышленным освоением²⁵. Однако, в целом, вопросы истории городского самоуправления были непопулярны у исследователей, в советский период в связи с негативным отношением власти к этому общественному институту. Работы этого периода немногочисленны и касаются истории различных проблем отдельных городов и историографии урбановедения²⁶. Если в дореволюционный период больше изучались и обсуждались правовые основы городских реформ результаты работы органов общественного управления за определенные периоды (например, оценка результатов к 25-летию

их деятельности в Барнауле), общественная жизнь городов, то советских исследователей привлекали темы социально-экономического развития городов, отдельные сюжеты городской жизни, история культурных и образовательных учреждений.

Значительное место по глубине и обширности в историографии дореволюционного городского самоуправления материала занимают работы В.А.Нардовой. В них заметное место уделяется изучению финансово-хозяйственной деятельности городских дум во второй половине XIX — начале XX вв., в том числе и во внешнем благоустройстве²⁷. В.А.Нардова в канву политики самодержавия вплела наиболее острые сюжеты из практики. Исследовав практически все документы хозяйственного департамента МВД Российской империи, касающиеся подготовки и проведения городских реформ 1870 и 1892 гг., в том числе обширный статистический материал о выборах и составе городских дум межреформенного периода, В.А.Нардова пришла к выводу, что коренные изменения в сфере городского общественного управления обосновывались «не только невозможностью сохранения прежнего статуса для городских учреждений при изменении такового для земства, но и неудовлетворительным ведением городского хозяйства»²⁸.

Существенный вклад в разработку проблемы внесли исследования, затрагивающие генезис учреждений местного управления. Так, в труде Н.П.Ерошкина «История государственных учреждений дореволюционной России» (М., 1968, переиздана в 1998) представлена характеристика институтов управления. Первое исследование советского периода «Правительственный аппарат в самодержавной России» (1978 г.), в котором была показан пример изучения личного состава государственного аппарата принадлежит П.А.Зайончковскому. В нем автор сформулировал важный вывод в ходе изучения властных институтов: «Наряду с расстановкой общественных сил, определенной политической системой», на внутреннюю политику страны «оказывают немалое влияние и люди, стоящие во главе администрации». Исследования в русле, обозначенном П.А.Зайончковским, в начале 80-х гг. продолжил М.М.Шумилов, изучивший вопросы, связанные с взаимоотношениями органов власти разного уровня²⁹.

В нач. 90-х гг. XX в. начался процесс заполнения «белых пятен» в истории местного самоуправления, возросло внимание

исследователей к проблемам организации и деятельности органов власти всех уровней. Повышение интереса к этим сюжетам было связано с началом реформ в России и новым взглядом на организацию государственного аппарата и роль местных органов власти в масштабах страны. Появились работы к юбилею различных предприятий, истоки которых берут начало в исследуемом периоде. Значительной насыщенностью фактами обладает приуроченная «к 100-летию со дня ввода в действие первой центральной электрической станции, давшей начало сибирской энергетике» работа А.И.Гитлиц и А.С.Заворина «Первая в Сибири — Томская центральная электрическая станция»³⁰. «Не претендуя на всестороннее и полное освещение сугубо исторических аспектов, авторы и представили в своем труде как насыщенную техническую хронику истории первой в Сибири электростанции»³¹.

В таком же содержательном ключе под редакцией А.Ф.Порядина, известного еще в советские годы благодаря исследованию «Водоснабжение Сибири», было создано юбилейное издание, посвященное истории томского водопровода «От чистого истока. Век томского водопровода: 1905—2005»³², оно гармонично было дополнено изданием трудов томских³³ и новосибирских³⁴ ученых по системам водоснабжения.

Особенно широко с нач. 90-х гг. XX в. в историографии представлены юридические работы, авторы которых исследуют правовые условия и практические результаты проведения городской реформы в законодательных рамках Городовых Положений 1870 и 1892 гг. на примере отдельных регионов.

Попыткой комплексного историко-правового исследования до-революционной системы местного управления является монография Л.Е.Лаптевой, методологической основой которой является юридическая антропология. Впервые в постсоветской историографии в этой работе обобщается обширный материал, посвященный практике управления отдельными территориями многонациональной Российской империи. Автор рассматривает не только общероссийские институты управления, территориального и корпоративного самоуправления, но и уделяет внимание специфике управления национальными окраинами. Следует отметить, что Л.Е.Лаптева применяет термин региональное управление в отношении генерал-губернаторской власти, которую согласно

теории государственного управления принято относить к местному управлению.

И.Г.Пирожкова в монографии «История строительного законодательства Российской империи» отметила ключевое значение экономического фактора при принятии управленческих решений в области внешнего благоустройства как в XIX в, так и в XXI, заметив, что «экономическая необходимость для государства в целом, городских органов управления в частности, значила больше, чем санитарно-гигиенические аспекты градостроительства»³⁵. Более того, И.Г.Пирожкова считает приоритет экономического фактора в настоящее время «причиной экологических конфликтов и препятствием для нормализации развития городов»³⁶.

Одним из первых крупных исследований дореволюционного губернского и уездного административного аппарата была работа Н.П.Ерошкина, в котором дана характеристика всех звеньев аппарата государственного управления по ведомственному принципу. Автор раскрыл структуру, функции и особенности деятельности государственных учреждений дореволюционной России³⁷.

Фундаментальным исследованием, содержащим комплексный анализ процесса развития российской государственности, институтов самоуправления и общества является работа Б.Н.Миронова «Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.)». Автор на обширном материале показывает, что административная вертикаль власти дополнялась более или менее разветвленной системой местного самоуправления, которая составляла «неотъемлемую и необходимую часть общественного строя страны»³⁸. Борис Николаевич определяет город на рубеже XIX—XX вв. в качестве раннеиндустриального³⁹, отмечая, что «в конце XIX в. одновременно сосуществовали умирающие доиндустриальные города, бурно развивающиеся индустриальные и зарождающиеся постиндустриальные города»⁴⁰, поясняет: «Разные функциональные типы городов середины XIX в. можно рассматривать как различные стадии эволюции городских поселений в России»⁴¹. В целом работы Б.Н.Миронова, отличаются нетрадиционным подходом и широким применением современных методов исследования⁴².

Нередко исторические работы включают в себя обширный сравнительный анализ Положений. Многие авторы пытаются

преодолеть и опровергнуть представление о Городовом положении 1892 г. как о реакционном законе⁴³. Так, в оценке реформы 1870 г. Л.Ф.Писарькова в монографии, где прослежена история городского самоуправления Москвы во второй половине XIX — начале XX в.⁴⁴, присоединяется к своим дореволюционным предшественникам и утверждает, что касается реформа 1892 г., являлась существенным шагом вперед. Исследователь пришла к заключению, что в 1892 г. усиление государственного контроля над органами городского самоуправления имело позитивное значение. Подобного мнения придерживается Д.А.Засосов, изучив события «Из жизни Петербурга 1890—1910-х годов»⁴⁵.

В зарубежной историографии рассматриваемого времени городские реформы 1870 и 1892 гг. изучались в контексте анализа внутренней политики самодержавия. Р.Пайпс подчеркнул важную роль городского самоуправления в общественной жизни дореволюционной России⁴⁶. Высоко оценил личные и профессиональные качества губернаторов Р.Роббинс, рассмотревший деятельность губернаторов во взаимосвязи с центральной и местной властью⁴⁷.

В постсоветское время опубликовано значительное число монографий по истории городов Западной Сибири в целом и отдельным вопросам местного управления в частности⁴⁸. Значительным вкладом в изучение вопросов местного управления стало проведение конференций⁴⁹, издание сборников статей⁵⁰, содержащих обширный фактический материал по отдельным проблемам дореволюционного городского самоуправления. Авторитетная и регулярная конференция «Проблемы самоуправления в истории Сибири XIX—XX вв.»⁵¹, проводимая в Новосибирске, ежегодно объединяет представителей ведущих сибирских центров академической и вузовской науки — от Тюмени до Иркутска, включая Новосибирск, Омск, Томск, Барнаул и Кемерово и др. Особое значение в целях популяризации исторической информации имеют многочисленные газетные и журнальные публикации, в отношении которых преуспели исследователи и журналисты Томска⁵².

Следует отметить формирование во многих вузовских центрах научных краеведческих школ, взаимодополняющих друг друга, в том числе и на территории ХМАО — Югры. Например, на основе

обширного архивного материала вопросы истории предпринимательства и его представителей исследовал А.Г.Киселев⁵³, О.А.Задорожная⁵⁴. М.Ф.Ершов в рамках истории повседневности изучил экологически и санитарные проблемы Зауралья⁵⁵.

Следует отметить, что в постсоветское время появилось значительное количество литературы энциклопедического характера⁵⁶, а также стали появляться работы, затрагивающие деятельность градоначальников Западной Сибири⁵⁷. Межархивные справочники⁵⁸ содержат характеристику компетенции и структуры органов государственной власти, обращение к опыту организации управления Сибирью в составе Российского государства.

В 90-гг. в связи с появлением института губернаторов возрос интерес к дореволюционному периоду этого института власти со стороны представителей академической науки. Широко, с использованием различных методологических подходов представлена губернаторская власть в упомянутых выше межархивных справочниках, индивидуальных и коллективных монографиях. Так, исследование Лысенко Л.М. «Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII — начало XX века)» состоит из трех блоков: генезис института губернаторства, генерал-губернаторская власть и ее уникальная «роль в создании Российской империи, в инкорпорации национальных окраин в «единую и неделимую» державу», соотношения объективных условий и субъективного фактора в развитии российских губерний, роли личности в истории⁵⁹.

Глубокому изучению истории сельского и городского самоуправления на региональном уровне посвящено также коллективная работа Е.Ю.Апкаримовой, С.Г.Голиковой, Н.А.Миненко, И.В.Побережникова. Авторы всесторонне исследовали эволюцию структуры и деятельности институтов самоуправления на Урале⁶⁰.

Отдельные сюжеты истории благоустройства присутствуют в диссертациях и авторефератах исследователей различных аспектов истории деятельности местного управления, а также изучению урбановедческого проблемного спектра Западной Сибири⁶¹. Обычно в таких работах при изучении благоустройства авторы не привлекают материал специальных трудов, посвященных развитию водоснабжения и электрификации Западной Сибири в целом, а ограничиваются историей отдельных промышленных предприятий.

Вызывает удивление информация в автореферате диссертации на соискание степени доктора исторических наук о том, что «освещение городов осуществлялось небольшим количеством керосиново-капельных фонарей. Так, постановлением от 16 июня 1909 г. Данковская городская дума изыскала 450 руб. на приобретение трех (!) керосиново-капельных фонарей для установления их в центре города»⁶². Удивление вызывает не слабое материально-техническое оснащение городов, а применение исследователем странного термина «керосиново-капельные фонари», т.к. фонари в это время были керосиново-калильные.

Следует отметить факт появления в среде исторических работ исследований, посвященных изучению инноваций. Так, В монографии Елены Вениаминовны Алексеевой «Диффузия европейских инноваций в России (XVIII — начало XX в.)», опубликованной в 2007 г. московским издательством РОССПЭН, изучено влияние европейских государств на различные направления отечественной истории имперского периода с точки зрения диффузионизма как важнейшей парадигмы теории модернизации. Автором диффузия определяется «как импорт и распространение инноваций в обществе при непосредственном контакте участников взаимодействия или опосредованно через различные средства передачи информации»⁶³.

Процесс деидеологизации исторической науки, начавшийся после 1991 г., с одной стороны, способствовал появлению методологической полифонии в исследованиях, особому вниманию к исторической практике местного управления. Возможности микроисторического подхода продемонстрированы в трудах Надежды Михайловны Дмитриенко и ее учеников. Игорь Васильевич Побережником эффективно занимается изучением теоретико-методологических проблем модернизации. Омская исследовательница Елена Юрьевна Меренкова в работе применяет принципы синергетики при рассмотрении вопросов полномочий городского самоуправления Западной Сибири. Биографический подход стал хорошим тоном в исторических исследованиях. С другой стороны, существуют серьезные терминологические разногласия в отношении понимания и возможности употребления терминов: региональное управление и местное управление, городское общественное управление и местное самоуправление, органы и учреждения,

инновации и др. Несмотря на значительный исследовательский интерес к изучению истории деятельности органов общественного управления, существуют разрозненные отдельные данные, факты в различных статьях, материалах докладов, монографиях. Однако разрозненные данные по отдельным аспектам внешнего благоустройства не дают целостного представления о процессе их формирования и развития. Таким образом, следует отметить, что проблема истории городского благоустройства в деятельности органов местного управления сформировалась еще в дореволюционной историографии. Ее важные отдельные факты были изложены советскими историками. Однако комплексного исследования деятельности органов местного управления в сфере внешнего благоустройства до настоящего времени не осуществлялось.

Примечания

¹ Гессен, В.М. Городское самоуправление: дополнение к курсу русского государственного права. — СПб., 1912; Джаншиев, Г.А. Эпоха великих реформ. — изд. 10-е. — СПб., 1907; Пажитнов, К.А. Городское и земское самоуправление. — СПб., 1913; Шрейдер, П.И. Наше городское общественное управление. — Т. 1. — СПб., 1902; Городское самоуправление // Словарь юридических и государственных наук. — Вып. VI. — Т. 2. — СПб., (б.г.).

² Герасименко, Г.А. Земское самоуправление в России. — М., 1990; Головачев, А.А. Десять лет реформ. 1861—1871. — СПб., 1872; Тарасов, И. Полиция в эпоху реформ. — СПб., 1885.

³ Буданов, М.В. Устройство и управление городов России И.Дитятина. — Киев, 1878.

⁴ Костров, Н.А. Историко-статистическое описание городов Томской губернии. — Томск, 1872; Голодников, К. Город Тобольск и его окрестности. Исторический очерк. — Тобольск, 1887; Потанин, Г.Н. Города Сибири // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды. — СПб., 1908. С. 196—200; Город Томск. — Томск, 1912; Турчанинов, Н.В. Города Азиатской России // Азиатская Россия. — СПб., 1914. — Т. 1. — С. 285—360.

⁵ Турчанинов, Н.В. Города Азиатской России // Азиатская Россия. — СПб., 1914. — Т. 1. — С. 344—345.

⁶ Потанин, Г.Н. Города Сибири. — В кн.: Сибирь, ее современное состояние. — С. 234—259.

⁷ Байтов Г.Б. Очерки Барнаула. — Томск, 1906.

⁸ Город Томск. — Томск, 1912.

⁹ Андрианов, А.С. МВД. Исторический очерк 1802—1902. — Т. 1. — СПб., 1902; Записки по обозрению Санкт-Петербургского городского общественного самоуправления и его деятельности. — Т. 1.4. 1. — СПб., 1902; Михайловский, А.

Реформа городского самоуправления в России. — М., 1908; Синькевич Н.А. «Великие реформы»: полиция и самоуправление // Социально-правовые и психологические основы деятельности органов внутренних дел и внутренних войск МВД России: проблемы теории и практики: Материалы международной научно-практической конференции. — Ч. 2 / Под ред. О.М.Латышева, В.П.Сальникова. — СПб.: Санкт-Петербургская академия МВД России, 1997; Свешников, М.И. Указ. соч.; Санкт-Петербургская столичная полиция и градоначальство. Краткий исторический очерк. — СПб., 1903.

¹⁰ Озеров, И.Х. Большие города, их задачи и средства управления. — М. 1906. Он же. Общие принципы организации городских финансов. — СПб., 1907.

¹¹ Семенов, В.Н. Благоустройство городов. — М., 1912.

¹² Велихов, Л.А. Основы городского хозяйства. Общее учение о городе, его управлении, финансах и методах хозяйства. — М.; Л., 1928.

¹³ Там же. — С. 224.

¹⁴ Анциферов, Н.П. Пути изучения города как социального организма, опыт комплексного подхода. — Л., 1925. — С. 719.

¹⁵ Фальковский, Н.И. История водоснабжения в России. — М.; Л., 1947.

¹⁶ Горловский, М.А. История городской реформы 1870 г. в России. Подготовка реформы. Очерк первый // Уральский гос. ун-т им. А.М.Горького Ученые записки. — Вып. 5. Общественные науки. — Свердловск, 1948. — С. 80.

¹⁷ Горловский, М.А. Указ. соч. — С. 93.

¹⁸ Попов, И.С. Как и кого выбирали в Томскую городскую думу. — Томск, 1959.

¹⁹ Комогорцев, И. Сибирь индустриальная. — Новосибирск, 1968. — С. 17.

²⁰ Алексеев, В.В. Электрификация Сибири. Историческое исследование. Часть I. — 1885—1950 гг., 1973. — С. 15.

²¹ Там же.

²² Сивов, С.А., Попов Н.И. История Томской области с нач. 20 в. до наших дней. — Новосибирск, 1977.

²³ Из истории земли Томской 1604—1917: (Сборник документов и материалов). — Вып. 1 — Томск, 1978.

²⁴ Благоустройство городов. — М., 1984. — С. 4.

²⁵ Там же. — С. 9

²⁶ Историография городов Сибири конца XIX — начала XX вв. — Новосибирск, 1984; Скубневский, В.А. Города Сибири пореформенного времени в освещении современной советской историографии // Вопросы историографии и источниковедения Сибири периода капитализма. — Томск, 1985; Дмитриенко, Н.М. Дореволюционные авторы о городах Западной Сибири эпохи капитализма // Там же.

²⁷ Нардова, В.А. Городское самоуправление в России в 60-х — начале 90-х гг. XIX века: Правительственная политика. — Л.: Наука, 1984; Она же. Самодержавие и городские Думы в России в конце XIX — начале XX века. — СПб., 1994.

²⁸ Нардова, В.А. Городское самоуправление в России после реформы 1870 г. // Великие реформы в России. 1856—1874. — М., 1992. — С. 237.

- ²⁹ Шумилов, М.М. Местное управление и центральная власть в России в 50-х — начале 80-х гг. XIX в. — Новгород, 1991.
- ³⁰ Первая в Сибири — Томская центральная электрическая станция. — Томск, 1994.
- ³¹ Там же. — С. 4.
- ³² От чистого истока. Век томского водопровода: 1905—2005. — Томск, 2005.
- ³³ Труды томских ученых по системам водоснабжения. — Томск, 2005.
- ³⁴ Живая вода большого города. Водопровод Новосибирска на рубеже столетий (XIX—XX—XXI вв.) — Новосибирск, 2003.
- ³⁵ Пирожкова, И.Г. История строительного законодательства Российской империи. — М., 2008. — С. 95—96.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Ерошкин, Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. — М., 1997.
- ³⁸ Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): в 2 т., СПб., 2003. — Т. 1. — С. 424.
- ³⁹ Там же. — С. 309.
- ⁴⁰ Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): в 2 т., СПб., 2003. — Т. 1. — С. 303.
- ⁴¹ Там же. — С. 302.
- ⁴² Миронов, Б.Н. Русский город в 1740—1860-е гг.: Демографическое, социальное и экономическое развитие. — Л., 1990.
- ⁴³ Заманова, Г.Р. Городское самоуправление в Казани (1870—1904 гг.) Дисс. ... канд. ист. наук, 07.00.02. — Казань, 2002.
- ⁴⁴ Писарькова, Л.Ф. Московская городская дума: 1863—1917 гг. — М., 1998.
- ⁴⁵ Засосов, Д.А., Пызин, В.И. Из жизни Петербурга 1890—1910-х годов. — Л., 1991.
- ⁴⁶ Пайпс, Р. Россия при старом режиме. — Кембридж, 1980.
- ⁴⁷ Роббинс, Р. Сатрапы? Вице-короли? Губернаторы // Родина. — 1995. — № 5. — С. 29. Он же. Наместник и слуга // Отечественная история. — 1993. — № 1.
- ⁴⁸ Ларьков, А.С., Чернова, И.В. Полицмейстеры, комиссары, начальники: (Руководители правоохранительных органов Томской губернии, округа и области в XIX—XX вв.). — Томск, 1999; История Курганской области (Управление Южного Зауралья в досоветский период). — Т. 7. — Курган, 2002; Литягина, А.В. Городское самоуправление Западной Сибири в конце XIX — начале XX вв. — Бийск, 2001; Скублевский, В.А., Гончаров, Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX в. Часть I: Население. Экономика. — Барнаул, 2003; Толочко, А.П., Коновалов, И.А., Меренкова, Е.Ю., Чудаков, О.В. Городское самоуправление в Западной Сибири в дореволюционный период: становление и развитие. — Омск, 2003; Чудаков, О.В. Городское самоуправление в Западной Сибири в дореволюционный период: становление и развитие. — Омск, 2003; Миненко, Н.А. Тюмень: летопись четырех столетий. — СПб., 2004; Палин, А.В. Томское губернское управление (1895—1917 гг.): структура, компетенция, администрация. — Кемерово, 2004;

Литягина, А.В. Города Сибири во второй половине XIX — начале XX в. — Бийск, 2004; Еремина, Л.А. Городское самоуправление Западной Сибири в конце XIX — начале XX веков. — Барнаул, 2005; История города. Новониколаевск-Новосибирск: Ист. очерки. [Том 1] / Бочанова, Г.А., Букин, С.С., Быстренко, В.И., Бирюков, А.В., Ватолин, В.А.; Гл. ред. А.Ф.Косенков. — Новосибирск, 2005; История общественного самоуправления в Сибири второй половины XIX — начала XX века / Анкушева, К.А., Бочанова, Г.А., Дегальцева, Е.А., Кириллов А.К., Ноздрин Г.А., Шиловский М.В., Ус Л.Б. — Новосибирск, 2006; Глебов, Ю.Я. Власть города Омска: история и современность. — Омск, 2006; Меренкова, Е.Ю., Организационно-правовые основы деятельности городского самоуправления в Западной Сибири в конце XIX — начале XX вв., — Омск, 2006; Тяпкина О.А. Малые города Западной Сибири во второй половине XIX века: социально-экономическое исследование. — Новосибирск, 2008 и др.

⁴⁹ Коновалов, И.А. Местное самоуправление в Омске в XVIII — начале XX вв. // Изв. Омского гос. историко-краеведческого музея. — 1997. — № 5; Толочко, А.П., Коновалов, И.А. Некоторые вопросы организации городского самоуправления в Западной Сибири в конце XIX — начале XX в. // Вестник Омского отделения Академии гуманитарных наук. — 1997. — № 2; Лен, К.В. Особенности западносибирского городского самоуправления // Актуальные вопросы истории Сибири. Вторые научные чтения памяти проф. А.П.Бородавкина. — Барнаул, 2000; Харусь, О.А. Городские думы: замыслы реорганизации и реалии деятельности сибирских либералов в период первой российской революции // Революция 1905—1907 гг. и общественное движение в Сибири и на Дальнем Востоке. — Омск, 1995; Макарчук, С.В. Проблемы местного городского самоуправления Западной Сибири в конце XIX — начале XX вв. // Актуальные вопросы истории Сибири. Вторые научные чтения памяти проф. А.П.Бородавкина. — Барнаул, 2000; Он же. Городское самоуправление в Сибири. Вторая половина XIX — начало XX вв. // Уч. зап. факультета истории и международных отношений. — Кемерово, 2001; Филиппов, Д.В. Политическая деятельность Тюменской городской думы в годы первой русской революции // Словцовские чтения — 2003. Материалы XV Всерос. научн.-практич. краеведческой конф. — Тюмень, 2003; Саврасова, Т.В. Социальная политика Томской городской думы в кон. 19 — нач. 20 вв. // Субъект Росс.Федерации в условиях реформ: Материалы Всерос. научн. конф., посвящен. 50 летию Томской области 90 экономического образования в Томском политехническом университете. — Томск, 1995 и др.

⁵⁰ См. Матющенко, О.И. Управление в Томской губернии в 19—20 в. / О.И.Матющенко // Труды Музея г.Северска. — Томск, 2000. — Вып. 1: Музей и город и др.

⁵¹ Даченко, А.Г. Городское самоуправление Новониколаевска между февралем и октябрём 1917 г. // Проблемы истории местного управления Сибири XVII—XX веков. Региональная науч. конф. Тезисы докл. — Новосибирск, 1996. — С. 42—47; Рынков, В.М. Роль органов местного самоуправления в снабжении населения Сибири продовольствием в годы гражданской войны // Там же; Шиловский, М.В. Органы власти в Новониколаевске в 1917 г. // Новосибирская область в контексте российской истории. — Новосибирск, 2001. и др.

⁵² Разумов, О. На то и голова. купечество в томском самоуправлении // Сибирская старина. — 1998. — № 13 (18); Сазонова, Н. Герои того времени // Все для Вас. — Пресс. — 1998. — 15 окт.; Сазонова, Н. Неизвестный Макушин Н.Сазонова // Все для Вас: Еженед. информ. изд. — 2003. — 3 сент; Дмитриенко Н.М. Михайлов // ТМ экспресс. — 1991. — 24 мая; Дмитриенко, Н.М. Человек кипучей энергии // Томский вестник. — 1993. — 13 ноября; Дмитриенко, Н.М. Новые люди — новые веяния: Июнь в Сибири 100 лет назад // Томский вестник. — 1995. — 1 июня и др.

⁵³ Киселев, А.Г. Фирма на рынках Западной Сибири в конце XIX — начале XX вв. — Ханты-Мансийск, 2008.

⁵⁴ Задорожная, О.А. Предпринимательские компании Западной Сибири ВТОрой половины XIX — начала XX вв. в электротехнической области // V Зыряновские чтения: мат-лы Всерос. научно-практич. конф. — Курган, 2007. — С. 21; Она же. Товарищество «Электросвет» в Бийске // Исторические вызовы России и цивилизационные ответы Сибири: тез. докл. регион. научн. конф. — Сургут, 2009. — С. 29.

⁵⁵ Ершов, М.Ф. Культура природопользования: экологические и санитарные проблемы Зауралья конца XVIII — начала XX вв. // Проблемы экономической и социальной истории Сибири. Из истории природопользования и налогообложения (XIX — первая половина XX века). — Вып. 5. — Омск, 2004.

⁵⁶ Новосибирск. 100 лет. События. Люди. — Новосибирск, 1994; Барнаул. Легопись города. — Барнаул, 1994; 1000 знаменательных событий из истории Омска. — Омск, 1998; Хроника художественной жизни Томска 1909—1917. — Томск, 2000; Дмитриенко, Н.М. День за днем, год за годом: хроника жизни Томска в XVII—XX столетиях. — Томск, 2003; Барнаул: Энциклопедия. — Барнаул, 2000; Новосибирск: Энциклопедия. — Новосибирск, 2003.

⁵⁷ Бийские градоначальники. Исторические очерки / Отв. ред. В.В.Булаличев. — Бийск, 2002; Новониколаевск — Новосибирск: от поселкового старосты до мэра. Биографический справочник. — Новосибирск, 2003; Бердников, Л.П. Вся красноярская власть. Очерки истории местного управления и самоуправления (1822—1918). — Красноярск, 1995;

⁵⁸ Власть в Сибири: XVI — начало XX в. — Новосибирск, 2005.

⁵⁹ Лысенко, Л.М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII — начало XX века). — М., 2001. — С. 14.

⁶⁰ Апкаримова, Е.Ю., Голикова, С.В., Миненко, Н.А., Побережников, И.В. Сельское и городское самоуправление на Урале в XVIII — начале XX века. — М., 2003.

⁶¹ Литягина, А.В. Городское самоуправление Западной Сибири в конце XIX — начале XX веков (по материалам Томской губ.). Автореф. дис. ... канд. истр. наук. — Барнаул, 1999; Лен, К.В. Подготовка и проведение городской реформы 1870 г. в Западной Сибири (на материалах Томской губернии). Автореф. дис. ... канд. истр. наук. — Барнаул, 2000; Еремина, Л.А. Городское самоуправление Западной Сибири в конце XIX — начале XX веков: структура, функции, основные направления деятельности. Автореф. дис. ... канд. истр. наук. — Новосибирск, 2001; Палин, А.В. Томское губернское управление в 1895—1917 гг.:

структура, компетенция, администрация. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Кемерово, 2003 и др.

⁶² Семенов, А.К. Самоуправление русских провинциальных городов в конце XVIII — начале XX вв.: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. д.и.н. спец. 07.00.02 — Отечественная история — Саратов, 2006. — С. 40.

⁶³ Алексеева, Е.В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII — начало XX в.). — М., 2007. — С. 6.

П.А.Яроцкий

ГОРОД ТОБОЛЬСК В ПЕРИОД ПРЕБЫВАНИЯ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ (РОМАНОВЫХ) (1917—1918)

Тобольск 1917—1918 гг. кардинально отличался от современного города, который мы можем наблюдать сегодня. Тобольск, основанный еще в 1587 году — через два года после гибели Ермака, более ста лет являлся резиденцией генерал-губернатора, правившего Сибирью. Это было тихое, спокойное место¹. Располагался город Тобольск на Алафейской горе, что переводится с татарского, как «коренная ханская земля». Тобольск, как и сейчас, делился на «верхний» и «нижний» город. Располагался он в устье двух рек — Тобола и Иртыша². Дом бывшего губернатора располагался в нижней части города. Часть административно-управленческих учреждений располагалась в «верхнем» городе — на территории Тобольского кремля. В нижней части города располагались, в основном, рыночная площадь и жилые постройки.

Что касается численности населения Тобольска, то к моменту прибытия сюда Николая II она составляла 20,7 тыс. чел. В.А.Исупов в статье «Урбанизация или псевдо урбанизация? (Динамика численности городского населения Сибири в начале XX века)» указывает следующее: «Первые русские города были созданы в Сибири в конце XVI столетия в связи с развернувшимся процессом заселения и хозяйственного освоения региона. На карте Сибири появились Тюмень, Тобольск, Березов, Сургут, Тара и другие городские поселения. Что немаловажно, это был постепенный, эволюционный процесс, в ходе которого сбалансировано,

развивались все элементы сложной урбанистической системы. По данным Статистического отделения МВД Российской империи в 1840 г. в городских поселениях Сибири насчитывалось 145 тыс. жителей, по материалам первой Всероссийской переписи 1897 г. — 393 тыс., в 1913 г. — 901 тыс. жителей.

Что касается самого Тобольска, то по данным статистического отделения МВД, его численность населения к 1911 г. составляла 20,7 тыс. чел.»³. Численность населения Тобольска в 1917—1918 гг. не возростала по двум причинам:

во-первых, это был всего лишь провинциальный город уже Омской губернии, в котором жители занимались, преимущественно торговлей;

во-вторых, через город не проходила железная дорога, а значит, экономически он был оторван от остальной России.

По материалам «**Сибирского листка**» за 1917 г., следует, что основную часть населения составляли: крестьяне, купцы, духовенство, военные, интеллигенция, бывшие политически ссыльные и т.д. На основе других изданий можно судить о численности и составе населения Тобольска в 1917—1918 гг.⁴ По социальному составу, население города Тобольска в дни пребывания Николая II можно разделить на следующие группы:

1. Политические ссыльные;
2. Крестьяне-середняки;
3. Купечество;
4. Духовенство;
5. Политические ссыльные;
6. Рабочие;
7. Служащие;
8. Учащиеся;
9. Прочие и неопределенные.

В начале XX века Тобольск — один из крупных городов Сибири, бывшая столица Западносибирского генерал-губернаторства. Кроме того, жители Тобольска были разсословными (от офицеров и дворян до купцов и крестьян), однако последние составляли основную часть населения Тобольска, которые, между прочим, жили, довольно, не плохо. К моменту приезда царской семьи город оставался тихим и провинциальным, находившимся вдали от бурных политических событий.

Примечания

- ¹ Якубовский, Э. Расстрел в подвале. — Екатеринбург. — 1998. — 253 с.
- ² Галкин, С., Яшина, И. Я назову тебя Тобольск. — Тюмень ООО «Кронос» — 2008. — 151 с.
- ³ Исупов, В.А. Урбанизация или псевдо урбанизация? (Динамика численности городского населения Сибири в начале XX века) // Городская культура Сибири. — 1997. — Омск. — С. 32—40.
- ⁴ Сибирский листок. — № 94. — С. 71—12 об. // ГУТО — Оп. 1. — Д. 7. — Л. 70-72 об.

Е.И.Гололобов

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ И ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ НА ОБЬ-ИРТЫШСКОМ СЕВЕРЕ В 1920-е гг. (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Рациональное природопользование не возможно без правового регулирования. Поэтому вопросы природопользования и охраны окружающей среды традиционно рассматриваются в неразрывном единстве. Применительно к природопользованию Обь-Иртышского Севера 1920-х гг. это вопросы регулирования лесопользования, охоты и рыболовства, землеводоустройства, охраны лесных, охотничьих и рыболовных ресурсов.

Правовое регулирование в сфере охраны природы получило развитие к началу 1920-х гг. Появляются специальные декреты, нормативные документы, регулирующие эту сферу деятельности. В 1920-е гг. многие вопросы законодательного регулирования природопользования являлись дискуссионными и обсуждались на различных уровнях. Значительная часть литературы посвящена регулированию охоты вообще, и добыче пушнины в частности. Разрабатывались общие основы законодательного регулирования охоты и охраны природы на Севере¹.

Применительно к сибирскому Северу очень активно обсуждалась необходимость законодательного запрета охоты на некондиционную

пушнину, в частности на незрелого песца², решался вопрос о полном запрете охоты на соболя³.

Обобщенная оценка правового регулирования охотничьего промысла была дана С.А.Куклиным. Он охарактеризовал советское законодательство об охоте 1920-х гг. как научно обоснованное, отвечающее интересам трудового охотничьего населения. Оно противопоставлялось «многовековому дореволюционному прошлому», в течение которого шло неуклонное истощение охотничьих ресурсов. Благодаря советскому законодательству и мероприятиям социально-экономического характера охотничье хозяйство, по мнению автора «твердо встало на путь расширения и реконструкции охотничьей фауны и правильной ее эксплуатации»⁴.

Настоятельной необходимостью было регулирование лесопользования⁵. По этому вопросу появляется популярная правовая литература. Из большого количества публикаций можно выделить работу П.Я.Гурова, разъясняющую основные задачи охраны леса и его рациональной эксплуатации⁶. Также актуальными были вопросы землеустройства на Обь-Иртышском Севере⁷.

В 1930-е гг. законодательство, посвященное северным территориям, было обобщено в специализированных сборниках, в которых нашли свое отражение и вопросы регулирования природопользования⁸. Законодательство 1920-х гг. относительно северных территорий вообще и регулирования вопросов природопользования в частности оценивалось положительно, как отвечающее потребностям местного населения.

В дальнейшем в правоведческой литературе 1950—1980-х гг. оценки советского законодательства 1920-х гг., данные в 1930-е гг. существенных изменений не претерпели. В научный оборот вводились новые данные, систематизировались, получали неизменно положительную оценку. Отмечалось фундаментальное значение ленинской политики в сфере охраны природы. Она рассматривалась как основа природоохранной политики СССР⁹.

Пересмотр оценок советского природоохранного законодательства начался в 1990-е гг., в первую очередь, в исторической и социально-экономической литературе¹⁰. Советское природоохранное законодательство в целом рассматривается не столь однозначно. Отмечаются негативные стороны, связанные с его применением на практике.

Примечания

¹ Генерозов, В.Я. Непреложные законы развития нашего охотничьего хозяйства // Уральский охотник. — 1927. — № 1; Малышев, В. Охотничий закон и охотничья охрана (в порядке обсуждения) // Уральский охотник. — 1927. — № 2; Об охране природы в Уральской области // Охрана природы. — 1929. — № 1; С.А. С. Охрана природы в Уральской области // Охрана природы. — 1929. — № 1.

² Керцелли, С.В. Песцовый промысел и действующий охотничий закон // Уральский охотник. — 1924. — № 2; Куклин, С.А. О добыче синяка // Уральский охотник. — 1927. — № 10; Куклин, С.А. Еще о добыче синяка // Уральский охотник. — 1927. — № 12; Евладов, В. О добыче синяка // Уральский охотник. — 1927. — № 12; Долой весеннюю охоту // Уральский охотник. — 1928. — № 7; Бутурлин, С.А. О весенней охоте // Охрана природы. — 1929. — № 3.

³ Кулагин, Н. К вопросу о временном запрете добычи соболя в пределах СССР // Охрана природы. — 1928. — № 5.

⁴ Куклин, С.А. Звери и птицы Урала и охота на них. — Свердловск, 1937. — С. 14—16.

⁵ Горяченков, А.В. Охотничье хозяйство и лесоустройство // Уральский охотник. — 1928. — № 4.

⁶ Гуров, П.Я., Лютовский, Н.А. Лесной кодекс РСФСР в вопросах и ответах. — М., 1923. О популярности этой работы говорит тот факт, что на протяжении первой половины 1920-х гг. она дважды переиздавалась с дополнениями в 1924 и 1926 гг.

⁷ Скачко, А.Е. Организация территории малых народов Севера / Советский Север. Сб. статей. — М., 1929.

⁸ Круглов, А. Северное законодательство // Советский Север. — 1931. — № 1. — С. 190—229; Кантор, Е., Суслов, И. Местные органы власти и хозяйственные организации на Крайнем Севере. Справочник для работников Севера. — М., 1934; Зингер, М.Э. Основные законы по Крайнему Северу. Право на полярные пространства и организация органов управления. Опыт систематического описания. — Л., 1935. — С. 96—99.

⁹ Благодклонов, К.Н., Иноземцев, А.А., Тихомиров, В.Н. Охрана природы. — М., 1967; Емельянова В. Законодательство о заповедниках, заказниках, памятниках природы. — М., 1971; Колбасов, О.С. Экология: политика-право. Правовая охрана природы в СССР. — М., 1976; Охотничье хозяйство РСФСР. — М., 1978; и др.

¹⁰ Вайнер, Д. Экология в Советской России: Архипелаг свободы: заповедники и охрана природы. М., 1991; Экология и власть. 1917—1990. Документы. — М., 1999; Гладкий, Ю.Н., Доброскок, В.А., Семенов С.П. Социально-экономическая география России. — М., 2001. — С. 673—677.

ИСТОРИОГРАФИЯ 1920-х гг. О РАЗВИТИИ ОЛЕНЕВОДСТВА НА СЕВЕРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Работы 1920-х гг. были представлены главным образом трудами специалистов-практиков. В 1920-х гг. Советское государство стремилось принять меры по развитию промыслово-олeneводческого хозяйства в районах Севера РСФСР в контексте тех хозяйственных стратегий, которые были приняты за основу в годы НЭПА.

В первой половине 1920-х гг. доктор Шайн в статье «Падение оленей на Тобольском Севере» писал: «Голоса представителей туземного населения о катастрофическом состоянии оленеводства докатились до окружного и областного съездов Советов»¹. Констатация тяжелого положения оленеводства, однако не означала, что представители власти спешили оказать помощь Северу. Как известно, стремление органов власти и многочисленных хозяйственных и кооперативных организаций, а также частных предпринимателей были направлены на получение пушнины. Оленеводству отводилась скромная роль в системе хозяйства Тобольского Севера.

Периодически вопросы состояния оленеводства поднимались на различных собраниях и заседаниях партийных, советских и хозяйственных организаций Уральской области и Тобольского округа, о чем свидетельствуют архивные данные собранные историками.

Одной из проблем изучения оленеводства является выявление численности кочевников и их стад.

В 1926 г. А.А.Дунин-Горкавич по заданию Тобольского Комитета Севера подготовил работу «О состоянии торговли на Тобольском Севере», в которой поместил раздел об оленеводстве. Он указал, что, по сведениям Тарасова в 1913 г., на Ямале численность оленей составляла до 100 тыс. голов. Александр Александрович предполагал, что в Обдорском районе поголовье насчитывало 250—300 тыс. голов. Таким образом, установить точное количество стада в первой половине 1920-х гг. на Тобольском Севере

не представляется возможным, так как исследователи проводили сведения, которое весьма отличалось (от 100 до 300 тыс. голов)².

Свои коррективы в этом вопросе внесла Приполярная перепись 1926—1927 гг. До нее точных сведений о количестве оленей, дифференциации оленеводческих хозяйств и их численности на Тобольском Севере не было. Статистические данные по проблеме были изложены и проанализированы на страницах журнала «Хозяйство Урала» в 1928 г. Автор статьи В.Пиньжаков также поднимал вопрос и о возможности существования на Тобольском Севере промышленности оленеводства, а, следовательно, и промышленного строительства, так как для тундровой полосы возможны лишь два вида крупного производства: по обработке рыбной продукции и продукции оленеводства, остальные виды обработки северного сырья самодовлеющего значения не имели, но могли укрепить и дополнить эти два остальных вида³. Вследствие этого он поднимал проблему численности оленьих стад на Тобольском Севере ссылаясь в своей статье на данные проф. Грюнера, который указывает в своей работе 505 тыс. голов. Благоволин и Обдорская специальная комиссия останавливаются на цифре 450 тыс.; на той же цифре останавливаются налоговые органы Тобольского округа, включая в эту цифру 30 проц. на недоучет (не учтенные хозяйства Ямала, не учтен молодняк и телята) — пишет автор⁴. К сожалению, указывает В.Пиньжаков, не всегда авторы упоминают об основаниях, приводимых ими цифр оленеводства. В частности проф. Грюнер делает ссылку на статью Сосунова, дающего цифру 505.860 оленей не приводя оснований, а глухо оговариваясь — ссылаясь на старые данные (с 1898 по 1912 год), Благоволин приводит отчетные данные Главного Ветеринарного Управления за 1912 год. Автор подчеркивает, что и Грюнер, и Благоволин, и Сосунов, в сущности, оперируют с цифрами Главного Ветеринарного Управления за 1904 и 1912 года, чем и объясняется разница в 50 тысяч голов. Первая проведенная ЦСУ статперепись по Северу зарегистрировала 227.934 взрослых, а всего вместе с молодняком 343.097 оленей, причем Д.Бобылев, зав. обработкой материалов статпереписи по Северу, на основе анализа переписного материала и полученных от участников переписи впечатлений, считает, что недоучет оленеводческих хозяйств, может быть выражен в 5—10% и сокрытие примерно в 30%⁵.

В результате этого анализа, пишет автор, возникают следующие сомнения и вопросы: 1. Насколько правильно отражают предварительные цифры переписи действительные отношения и числа, и не исказили ли туземцы картину, уменьшая количество оленей (в частности важенок), увеличивая число павших и тревожных? 2. Возможно ли искать в оленеводстве сырьевую базу для промышленности? 3. Возможно ли безнаказанно менять соотношения возрастно-половых групп в стаде, не нарушая его устойчивого равновесия, способного противостоять даже массовым эпизоотиям?

Дать исчерпывающие ответы, пишет В.Пиньжаков, на поставленные вопросы, возможно будет лишь при опубликовании материалов переписи и ряда изыскательских работ по Северу (Ямальская экспедиция, Обдорск. Бактинститут, Опорно-зоотехнич. пункт Гыдаямская экспедиция). И в связи с этим автор приводит следующие факты: работники переписи Севера отмечали стремление туземцев уменьшить цифры численности своих стад, их приплода и увеличить число травежа и падежа, так как они ждали в результате переписи введения налогов и отбирания оленей. В результате этого он приходит к выводу о том, что поправки на сокрытии выражаются в 30%, и по недоучету 5% считаются достаточными для уравнивания абсолютных цифр с предлагаемой действительностью⁶.

Сведения, представленные в различных источниках (со ссылкой на перепись 1926 г.) по численности оленей, весьма противоречивы. Перепись 1926 г. отметила явное преобладание по количеству оленей кочевых хозяйств над оседлыми. Среднее количество животных на одно хозяйство на Тобольском Севере у оседлых — 26, у кочевых — 169, отмечает в статье В.Пиньжаков⁷.

Этнограф-экономист В.П.Евладов, рассматривая состояние хозяйства Обдорского края, с горечью констатировал, что оленеводство почти не изучено, «олень выпал из поля зрения хозяйственных организаций». Чуть позже он предпринял попытку дать обзор состояния дел в оленеводстве Тобольского Севера 1920-х гг.⁸

В.П.Евладов писал, что оленеводы влачат жалкое существование и оленеводство не играет никакой роли в уральском экспорте. Автор сетовал на непонимание аборигенами ситуации заготовок оленины. Им проводилось размышление зажиточного оленевода:

«Зачем оленей бить? Деньги мне не надо, их никто не видит, а олени гуляют — я на них смотрю, и ты видишь». Он считал, что поголовье насчитывало около 500 тысяч оленей. В.П.Евладовым⁹ была предпринята попытка установить экономические категории оленеводческих хозяйств. Исследователь задавался вопросами: в какой степени оленеводство в современном его состоянии действительно доходно, какие факторы отрицательно влияли на него, в какой степени оно обеспечивало хозяйства оленеводов и могло ли представлять государственный интерес с точки зрения пушно-сырьевого экспорта. Будучи знатоком Севера, В.П.Евладов подчеркивал, что сама жизнь самоедского хозяйства целиком подчинена традициям в условиях питания оленей. Летом олени идут на Север, а зимой двигаются обратно. Проходя через Обдорск, Хэ и пушно-заготовительные фактории хозооргазизаций, выдвинувшихся в тундру на пути кочевания самоедов, где сдают пушнину, продукты оленеводства и забирают продовольствие и товары промышленного производства по расчету или на полгода до весеннего своего прохода вниз, или год, если не предполагалось весной проходить мимо факторий. Этим ограничивалось соприкосновение ненцев с другой цивилизацией. Автор сделал вывод¹⁰, что оленеводство не играет сколько-нибудь значительной роли в экономике страны, а носит местное значение и эффективно лишь в группах зажиточных и бедняцких хозяйств.

Следовательно, основные вопросы, которые волновали специалистов в 1920-х гг. касались проблем установления численности поголовья, его сохранности, предотвращения падежа, более эффективного использования в хозяйстве Севера, в том числе и налогообложения.

Примечания

¹ Алексеева, Л.В. Взаимодействие хозяйственных систем Ямального Севера в условиях НЭП и командно-административной экономики (1921—1929 гг.). Монография. — Екатеринбург-Салехард: Банк культурной информации, 2006. — С. 41.

² Исследователь Севера Александр Дудин-Горкавич. — М., 1995. — С. 185.

³ В.Пиньжаков. Оленеводство Тобольского Севера как сырьевая база северной промышленности // Хозяйство Урала, 1928 г. — № 5—6. — С. 148.

⁴ Там же. — С. 148.

⁵ Там же. — С. 149.

⁶ Там же. — С. 158.

⁷ Там же. — С. 158.

⁸ Евладов, В.П. Оленеводство Уральской тундры и экономическое расслоение самоедских хозяйств // Хозяйство Урала, 1928 г. — № 5. — С. 152.

⁹ Алексеева, Л.В. Взаимодействие хозяйственных систем Ямальского Севера в условиях НЭП и командно-административной экономики (1921—1929 гг.). Монография. — Екатеринбург-Салехард: Банк культурной информации, 2006. — С. 45.

¹⁰ Там же. — С. 46.

И.В.Пирогова

РОЛЬ НАУЧНЫХ ЭКСПЕДИЦИЙ 1920-х гг. В АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЯХ НА ТОБОЛЬСКОМ СЕВЕРЕ

Как и в любой другой науке, в сибиреведении период относительного застоя сменяется, хотя и коротким, но чрезвычайно интенсивным подъемом. Такой подъем наблюдался в 20-е годы XX века. Одним из его проявлений являлась организация множества этнографических экспедиций.

Советское государство проявляло особый интерес к развитию этнографии и краеведения, выделяло на это значительные средства. При Президиуме ВЦИК в 1924 г. был организован Комитет содействия народностям северных окраин, который оказал огромное влияние на проводившуюся государством работу по экономическому, культурному и социальному развитию северных территорий.

Задачи этнографических экспедиций 20-х гг. XX в. определившие направление исследований, были связаны, во-первых, с необходимостью удовлетворения экономических потребностей государства, во-вторых, с социально-политическими преобразованиями этнических сообществ. Для успешного решения данных задач сначала следовало собрать подробные сведения о численности, языках, особенностях культуры и быта коренного населения. Необходимы были также кадры специалистов, способных помочь

перевести на «социалистические рельсы» жизнь народов «отсталых» окраин.

В 1920-е годы научные изыскания на Севере Западной Сибири проводили сотрудники Российской Академии Наук и других центральных организаций. Так, в 1923—1924 гг. Б.Н.Городков руководит западно-сибирскими экспедициями Академии наук в Обско-Тазовском водоразделе. В состав экспедиции была включена внештатный сотрудник Этнографического отдела Русского музея Р.П.Митусова. За эти годы с перерывами она провела 12 месяцев среди хантов, населяющих р.Аган, его притоки, а также бассейн р.Пура, занимаясь сбором этнографических коллекций. В следующем году она продолжила исследовательскую деятельность в бассейне реки Пур Тобольского округа среди малоизвестной группы лесных ненцев¹. В ходе экспедиций были впервые составлены карты бассейнов рек Агана и Пура, собраны первые обширные сведения о природе, ресурсах и населении этого края, приобретена богатая коллекция по этнографии хантов и лесных ненцев, хранящаяся ныне в музеях Санкт-Петербурга и Тобольска.

В 1924—1926 гг. проходит новая экспедиция, которой руководит Б.Н.Городков — Северо-Уральская. Эта экспедиция внесла большой вклад в историю географических открытий и в исследование геологических, минеральных, почвенно-растительных и прочих ресурсов Северного и Полярного Урала. Одним из ее итогов явилось образование Тазовского туземного Совета. Одновременно создаются родовые Советы в ненецких городах. Образуется Обдорский район, включивший 135 селений, 5 сельсоветов: Кушеватский, Мужевский, Обдорский, Тазовский и Хэнский. Район вошел в состав Тобольского округа Уральской области². В 1927 г. формируются местные туземные райисполкомы по принципу национально-территориального объединения: Тазовский, Шурышкарский, Ямальский и другие. Туземные райисполкомы делятся на юртовые, родовые и ватажные Советы. Образовалась потребительская кооперация Приуральского района. В 1928 г. создана фактория в районе Гыданской тундры³.

В 1926 г. состоялась экспедиция М.Б.Шатилова к ваховским осякам⁴. Она была организована силами Томского отдела Комитета Севера, Обществом изучения Томского края и Томским краевым музеем. Поводом для научного изучения района р.Вах

послужило административное перемещение этого региона из Сургутского уезда в Томский округ Сибирского края. Для окружающих властей остро встал вопрос о выяснении социально-экономической ситуации на новой административно-хозяйственной территории. В задачи экспедиции, таким образом, входило выявление состояния и перспектив социально-экономического развития ваховского региона, определения направления наиболее эффективного хозяйствования с учетом его природной и этнической специфики. В экономическом плане это должно было вылиться в статистико-экономическое обследование ваховских жителей, которое включало бы в себя подворное, поселенческое и порайонное обследование промыслов, сбыта, потребления и бюджета. Объектом пристального внимания должна была также стать традиционная культура населения, его лингвистические и антропологические характеристики. Перед Михаилом Бонифатьевичем стояла достаточно конкретная задача: собрать материал и дать статистико-экономический обзор края. Однако он, как человек широкого кругозора и большой эрудиции, прекрасно осознавал, что недавно созданный Комитет севера нуждается в разностороннем исследовании любого региона Сибири и Севера: предполагались землеустроительные работы, районирование как следствие проведения новой национальной политики⁵. Помимо уникального результата, экспедиция имела и некоторые последствия непосредственно для ваховских жителей. Итогом экспедиции стали материалы М.Б.Шатилова и его коллег, предоставленные в Комитет Севера и одобренные президиумом Томского исполкома. Они явились объективной основой для административно-хозяйственных преобразований на р.Вах. По словам М.Б.Шатилова «проводимые в данное время мероприятия по реконструкции хозяйства ваховских остяков наряду с поднятием культурного уровня населения приведут в ближайшем времени к значительному подъему экономического благосостояния остяков. Все это откроет широкие возможности для строительства нового уклада жизни ваховцев на основе тесного сотрудничества со всеми трудящимися СССР...»⁶. Уже в 1927 г. в национальных поселках началась организация сети школьного образования, а вскоре земли по Ваху получили статус особого туземного района. В 1928 г. по итогам экспедиции было принято решение из состава Александро-Ваховского района

выделить самостоятельный Ларьякский район (ныне Нижневартовский).

В ноябре 1927 г. Уральский облисполком принял постановление, в котором указывалось: «Для всестороннего изучения политико-экономического состояния, жизни, быта, обычного права ямальских кочевников, флоры, фауны, оленеводства, пушного и рыбного промыслов, товарно-меновых отношений, производства и потребления, работы торгово-заготовительных организаций направить комплексную экспедицию на Ямальский полуостров»⁷.

В 1927 г. создается Ямальский районный кочевой тузсовет. Годом позже на данной территории образуются фактории Обьтреста — Ярсале, Хадыта, Новый Порт. Сам Новый Порт, еще в 1921—1923 гг., стал первым международным портом молодой Советской республики. Практически родовые Советы охватывали основные родовые объединения ямальских ненцев. Именно в этот период на Ямале находились, две экспедиции. Северо-Ямальская, снаряженная научно-исследовательской секцией Комитета Севера для изучения этнографии и археологии Ямала и Академии наук, в составе Н.А.Котовщиковой (она умерла в данной экспедиции)⁸, К.Я.Ратнера и В.Н.Чернецова, который в своих дневниках писал: «Позже самоеды начали говорить, что у них на севере Ямала необходимо устроить управление, так как туземный совет, ни в какой мере не может их удовлетворить»⁹. Далее Валерий Николаевич пишет: «Таким образом, на севере Ямала выявляется необходимость в самоуправлении и фактории»¹⁰.

Вторая, Ямальская экспедиция во главе с В.П.Евладовым была организована Уральским облисполкомом¹¹. В марте 1927 г. В.П.Евладов был включен в состав Уральского Комитета содействия народностям северных окраин. По итогам экспедиции ученый предоставил отчет об экономической и политической ситуации на Севере. Скорее всего, доклад В.П.Евладова и привел к тому, что, 7 декабря 1929 г. Тобольский комитет Севера принимает постановление «Об организации Северо-Ямальского районного исполкома».

Таким образом, научные экспедиции 1920-х гг. внесли вклад в изменение административно-территориального деления на Севере Западной Сибири. Осуществляемые преобразования проводились после знакомства с особенностями расселения различных этнических групп. Данная политика в целом вписывалась в

аналогичные реформы, осуществлявшиеся в других регионах страны — в Средней Азии, на Украине, Северном Кавказе.

Однако к концу 1920-х годов все громче начали раздаваться голоса тех, кто видел первую и главную задачу в промышленном освоении Севера силами пришлого населения, отрицал необходимость «особых условий» развития малых народностей севера, требовал немедленной коллективизации их хозяйства, беспощадной борьбы с шаманами. Возобладал курс, нацеленный на форсированное строительство социалистических отношений, находившийся с идеями бережного, осторожного отношения к национально-культурным особенностям.

Примечания

¹ Митусова, Р.П. Год среди лесного народа // Вокруг света. — 1929. — № 11. — С. 10.

² Ходатайство правления общества изучения Томского края и совета томского краевого музея в томский комитет содействия народностям севера о необходимости проведения научной экспедиции на р.Вах // Труды Томского областного краеведческого музея: Сб. статей. — Томск, 2004. — Т. XIII. — С. 35.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Кулемзин, В.М. М.Б.Шатилов и сибиреведение // Труды Томского областного краеведческого музея: Сб. статей. — Томск, 2004. — Т. XIII. — С. 13.

⁶ Шатилов, М.Б. Ваховские остяки: Этнографические очерки. — Тюмень, 2000. — С. 151.

⁷ Пика, А. «Ямальские экспедиции 1920-х годов» // URL: <http://www.russian-travels.ru>.

⁸ Протокол судебно-медицинского вскрытия трупа руководительницы Ямальской Экспедиции от Академии Наук 1928—29 года от 22 июля 1931 г. // — ГАТО. — Ф. 721. — Оп. 1.

⁹ Этнография народов Сибири. Томский госуниверситет. — 1987. — С. 168.

¹⁰ Там же. — С. 70.

¹¹ Евладов В.П. «По тундрам Ямала к Белому острову». — Тюмень, 1992. — С. 7.

ОБСЛУЖИВАНИЕ ПАССАЖИРОВ РЕЧНОГО ТРАНСПОРТА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1933 — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1941 гг.

Главной экономической задачей второго пятилетнего плана стало завершение реконструкции народного хозяйства. Немаловажное значение в этом процессе имело развитие речного транспорта. На территории Западной Сибири речной транспорт долгое время был основным, а зачастую и единственным, в связи с чем пассажирские перевозки, осуществляемые по воде, были очень востребованы населением данной территории, особенно отдаленных населенных пунктов национальных округов.

В начале второй пятилетки портово-промышленное хозяйство Западной Сибири стало оснащаться погрузочно-разгрузочными механизмами¹. Намного медленнее происходило оборудование пристаней вокзалами и помещениями ожидания для пассажиров. В 1933 г. на пристанях Западной Сибири, особенно северной ее части, еще не были построены дебаркадеры, вокзалы и даже простейшие крытые площадки для ожидания². Тем не менее, именно в начале выполнения второго пятилетнего плана в СССР был взят курс на развитие портово-пристанского хозяйства, в связи с чем в крупных судоходных пунктах Западной Сибири началось строительство вокзалов³. К примеру, в 1934 г. был построен первый речной вокзал в г.Омске, состоявший из нескольких одноэтажных зданий барачного типа. В одном пассажирском здании находились предварительная и текущая кассы, комната матери и ребенка, 55 спальных мест для пассажиров, во втором располагались общие залы ожидания и ресторан. В том же году начала свою работу Тобольская пристань Нижне-Иртышского государственного речного пароходства (далее НИРП)⁴.

На промежуточных мелких пристанях из года в год пассажиры ожидали пароходы под открытым небом, в любую погоду. В тех случаях, когда суда выходили из расписания движения, пассажиры были вынуждены оставаться на пристани неопределенное время⁵.

Намного благоприятнее были условия на речных вокзалах Омска, Тюмени и Тобольска, оборудованных всем необходимым⁶. Но основная часть пассажиров, особенно следовавшая низшим классом, зачастую не имела возможности воспользоваться услугами вокзалов. При большом скоплении, многие размещались возле вокзала⁷.

Обслуживание пассажиров на пароходах скорых линий Омск — Салехард, Омск — Нижневартовск и др. было значительно лучше, чем на пристанях. Их пассажиры размещались в каютах, пользовались буфетом, ванной комнатой, парикмахерской, радио, библиотекой, настольными играми⁸.

В то же время большинство грузопассажирских пароходов были слабо обеспечены постельными принадлежностями, полноценной организацией питания⁹. Палубные пассажиры не имели определенной площадки для размещения, совершая поездку рядом с грузами. Во время погрузки и разгрузки в пути, пассажиры перемещались с места на место, подвергались опасности получить травму. Все грузопассажирские суда были переполнены палубными пассажирами и лишь немногие пароходы были оснащены мягкими диванами на палубах¹⁰.

Дефицит посадочных мест дополняла нехватка единиц речного транспорта на пассажирских линиях. Причиной этому служили поломки и аварии пароходов, задержка их ремонта в мастерских, частое мелководье на реках Тура и Тобол, весенние заторы, а также регулярное нарушение расписания движения¹¹. Кроме того, ежегодно в начале и в конце навигации часть пассажирских пароходов НИРПа направлялась на перевозку рыбаков на Крайний Север и обратно, а также на спецперевозку¹².

Ярко характеризует дисбаланс между частотой перевозок и потребностями населения Западной Сибири событие, произошедшее на пристани Омск 9 июня 1940 г. во время прибытия парохода «III Интернационал», следовавшего по маршруту Омск-Салехард¹³. Пассажиры, в результате распространения неизвестными лицами слухов, что полностью пароход пассажиров вместить не сможет, не дождавшись окончания погрузочно-разгрузочного процесса и объявления о посадке, стихийным потоком хлынули с багажом на пароход. В то же время, пассажиры, находившиеся за воротами вокзала, видя происходившее, также всеми возможными

путями стремились попасть на борт судна. Кроме того, как выяснилось, на этот пароход было продано кассирами и даже грузчиками более 100 нелегальных билетов. В результате рейс был задержан.

Частые жалобы пассажиров, недостаточное финансирование, снижение показателей НИРПА по перевозкам, побудили руководство пароходства в 1938 г. обратиться за дополнительным ассигнованием денежных средств в Наркомвод¹⁴. В результате благоустройство пристаней стало производиться интенсивнее. В частности, был построен дом ожидания для пассажиров в Самарове¹⁵. Привлечение НИРПом дополнительных средств позволило пароходству в 1939 и 1940 гг. произвести ремонт пристаней Омск, Тюмень, Тобольск, Салехард, Сургут, Самарово, Нижневартовск, Березово и др., так как значительная часть причалов Западной Сибири по-прежнему оставалась на уровне 1933 г. Из тех же средств были приобретены мебель, постельные принадлежности и культинвентарь для ряда пассажирских пароходов¹⁶.

К огромному сожалению, старания НИРПА по ремонту целого ряда пристаней были практически сведены к нулю сильнейшим паводком, произошедшим в мае-июне 1941 г., в результате чего большинство пристаней Западной Сибири было временно закрыто или же не могло нормально функционировать и требовало нового капитального ремонта, к которому впоследствии приступило пароходство¹⁷.

Таким образом, проблема благоустройства малых и отдаленных пристаней Западной Сибири, а также создания комфортных условий для пассажиров речного транспорта, долгое время оставалась нерешенной. Речной транспорт не имел возможности обслужить полностью весь поток пассажиров судоходных речных путей Западной Сибири. Причиной для этого послужило, прежде всего, недостаточное материально-техническое обеспечение НИРПА. Только с 1938 г., изыскав дополнительные средства, пароходство сумело преодолеть трудности и ситуация стала постепенно улучшаться.

Примечания

¹ Советский речной транспорт 1917—1941 гг. / под ред. М.Н.Чеботарева. — М., 1987. — С. 328.

² Государственный исторический архив Омской области (далее ГУ ИСА Омской обл.). — Ф. 1853. — Оп. 1. — Д. 2. — Л. 6.

³ Советский речной транспорт 1917—1941 гг... — С. 325.

⁴ Даценко, Б.И. От истоков пассажирских перевозок // Иртышское пароходство за 150 лет. — Омск, 1996. — С. 49; Государственный архив в г.Тобольске (далее ГУТО ГА в г.Тобольске). — Ф. 902. Предисловие к фонду.

⁵ ГУ ИСА Омской обл. — Ф. 1853. — Оп. 1. — Д. 27. — Л. 6.

⁶ Там же; ГУТО ГА в г.Тобольске. — Ф. 902. — Оп. 1. — Д. 11. — Л. 24.

⁷ ГУ ИСА Омской обл. — Ф. 1853. — Оп. 1. — Д. 27. — Л. 6.

⁸ Там же. Л. 6-6 об; Центр документации новейшей истории Омской области (далее ЦДНИ Омской обл.). — Ф. 17. — Оп. 1. — Д. 567. — Л. 7.

⁹ ГУ ИСА Омской обл. — Ф. 1853. — Оп. 1. — Д. 54. — Л. 21 об.

¹⁰ Там же. — Д. 27. — Л. 6-6 об.

¹¹ Там же. — Д. 2. — Л. 3; Там же. — Д. 19. — Л. 14; Там же. — Д. 54. — Л. 18; Там же. — Д. 61. — Л. 9.

¹² Там же. — Д. 2. — Л. 4 об; Там же. — Д. 54. — Л. 21 об.

¹³ Там же. — Д. 48. — Л. 271-272.

¹⁴ Там же. — Д. 27. — Л. 6 об.

¹⁵ Там же. — Д. 34. — Л. 108 об.

¹⁶ Там же. — Д. 45. — Л. 144 об; Там же. — Д. 48. — Л. 9; Там же. — Д. 54. — Л. 23 об.

¹⁷ Там же. — Д. 61. — Л. 9 об.

Л.В.Алексеева

ОБЗОР ДОКУМЕНТОВ ФОНДА ХАНТЫ-МАНСЬИЙСКОГО ОКРИСПОЛКОМА ГАХМАО ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В данной публикации представлен краткий обзор источников важнейшего для изучения истории округа периода войны фонда Государственного архива Ханты-Мансийского автономного округа — Ф. 1. — «Ханты-Мансийский окрисполком», где содержатся документы с момента образования округа.

Большой комплекс документов сосредоточен в Д. 191 «Документы о подготовке 10-летнего юбилея округа». Здесь хранятся источники различных видов, в интегрированной форме дающие важнейшую информацию о результатах социально-экономического,

культурного развития округа за предыдущее десятилетие, позволяющие получить сведения о динамике развития производственной и непроизводственной сфер в 1930-е гг. и накануне Великой Отечественной войны¹.

Д. 205 «Списки номенклатурных работников окрисполкома. 1941 г.» содержит документы с подробной информацией о структуре окрисполкома, руководящих работниках, количестве сотрудников в отделах, краткие биографические данные на председателя окрсовета и руководителей отделов, а также председателей райисполкомов. Эти документы позволяют получить точные сведения о тех, кто управлял округом накануне Великой Отечественной войны, каков был их карьерный рост на советской работе, партийную принадлежность².

В фонде содержатся Указы и Постановления Президиума Верховного Совета СССР, РФ, СНК³, а также документы Омского облисполкома (1942—1944 гг.): постановления, решения, графики производственных заданий⁴ и Тюменского облисполкома (1945 г.)⁵ (решения облисполкома); партийных органов (Омского обкома и Ханты-Мансийского окружкома ВКП(б)): постановления и решения по различным вопросам⁶.

Наибольший интерес для исследователя представляют протоколы Исполкома Ханты-Мансийского окрсовета (1942—1945 гг.)⁷. Они содержат разнообразную информацию о положении в округе в годы войны, его проблемах и принимаемых решениях. В поле зрения окрсовета входили вопросы, касающиеся работы учреждений соцкультбыта (здравоохранение⁸, школы, всеобуч⁹ и культурбазы¹⁰), производственной сферы (рыбное хозяйство¹¹, производственная деятельность колхозов¹², местная промышленность), жилищно-коммунального хозяйства¹³, обустройства эвакуированных граждан, ответы на многочисленные запросы родственников пропавших (потерявшихся) в ходе эвакуации людей, шефство над госпиталями г. Тюмени¹⁴.

Наряду с указанными направлениями работы, окрсовет занимался территориально-административными вопросами. В годы войны шел дальнейший процесс разукрупнения Березовского, Сургутского, Кондинского, Самаровского районов¹⁵. В связи с изменением административных границ актуальными становились вопросы землеустройства. В фонде содержатся документы по

распределению угодий между советами в районах округа, лесном и сельском хозяйстве и т.д.¹⁶ Документы свидетельствуют, что окрисполком осуществлял работу по подготовке кадров, актуальность этого вопроса не снижалась на протяжении всего военного периода¹⁷.

Обширную информацию содержат документы фонда, отражающие содержание работы окружного совета в материалах его сессий, таким образом дополняют представления о жизни округа в годы Великой Отечественной войны¹⁸. Конкретизируют положение в районах округа в годы войны документы о работе советов¹⁹.

Изученные документы указанного фонда позволяют представить общую картину формирования мобилизационной экономики в округе, вкладе его жителей в общую победу в войне. В указанном фонде не обнаружены источники, касающиеся истории населения округа в годы войны (численность, состав, миграции, естественное движение, социально-экономическое положение), что требует дальнейших поисков.

Примечания

- ¹ ГАХМАО. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 191.
- ² Там же. — Д. 205.
- ³ Там же. — Д. 224, 241.
- ⁴ Там же. — Д. 225, 242, 243.
- ⁵ Там же. — Д. 255.
- ⁶ Там же. — Д. 208.
- ⁷ Там же. — Д. 225, 226, 227, 228, 256, 257.
- ⁸ Там же. — Д. 191.
- ⁹ Там же. — Д. 191.
- ¹⁰ Там же. — Д. 248, 250.
- ¹¹ Там же. — Д. 234, 247.
- ¹² Там же. — Д. 237.
- ¹³ Там же. — Д. 238.
- ¹⁴ Там же. — Д. 206, 209, 221, 222.
- ¹⁵ Там же. — Д. 212.
- ¹⁶ Там же. — Д. 212, 218, 236.
- ¹⁷ Там же. — Д. 220.

О СОСТОЯНИИ ЛИКВИДАЦИИ НЕГРАМОТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ХМАО В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Ликвидация неграмотности являлась приоритетным направлением в просвещении населения страны в предшествующее десятилетие, что было напрямую связано с процессами, развернувшимися в годы сталинской модернизации. Однако добиться абсолютной грамотности к началу войны все же не удалось. В Ханты-Мансийском национальном округе грамотность населения в 1940 г. составляла 90,5%¹.

Неудовлетворительное состояние организации работы по ликвидации неграмотности, как подчеркивалось на III сессии исполкома окрсовета в сентябре 1940 г., виделось в отсутствии соцсоревнований между школами взрослых за охват неграмотных и малограмотных обучением, слабой популяризацией опыта передовых ликвидаторов и культармейцев, недостаточной методической помощью ликвидаторам и культармейцам². Недохват неграмотных и малограмотных обучением составлял в 1941 г. 29%, решение данной проблемы рассматривалось в организации круглогодичного обучения³.

Ликвидацией неграмотности в годы войны в округе занимались избы-читальни, количество которых с 1941 г. по 1943 гг. увеличилось с 62 до 74⁴. Анализ информационных отчетов избчитален показал, что приоритетным в проведении просветительской работы среди населения было политпросвещение (обсуждение докладов руководителей страны, беседы о выполнении хозяйственного плана и т.д.) и военная подготовка. Упоминание о работе ликбезкружков содержится только в отчетах Еганской и Охтеурской изб-читален, с охватом 9 и 11 человек, соответственно⁵. Работа избачей, как правило оценивалась неудовлетворительно, их обвиняли в оторванности от хозяйственно-политических задач страны, организации исключительно досуга населения, а не политпросвещения, сами избачи не получали зарплату по несколько месяцев.

Школы взрослых с классами неграмотных и малограмотных продолжили свою работу в годы войны, с января по июль 1941 г. такой формой ликвидации неграмотности были охвачены 1 247 неграмотных и 1 197 малограмотных из учтенных 1 828 неграмотных и 1 748 малограмотных⁶. Всего по округу в 1941 г. было учтено 4 039 неграмотных и 3 238 малограмотных, которых предстояло обучить 84 учителям и 594 культурмейцам⁷. Лучшим культурмейцам устанавливалась премия 50 рублей, а также выдавалась почетная книжка культурмейца⁸.

Особое внимание, по понятным причинам, уделялось работе по ликвидации неграмотности и малограмотности среди допризывников. Однако недостаток обучением допризывников составлял более 40%, а в отдельных районах более 50%⁹.

Ликвидировать неграмотность и малограмотность в округе не удалось и в последующие годы, причинами были низкая посещаемость школ грамоты, особенно коренного населения занятого физическим трудом, отсутствие помещений и недостаток культурмейцев.

Примечания

¹ Казакова, Н.С. Государственная политика по просвещению населения Ханты-Мансийского национального округа в 1931—1941 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Омск, 2009. — С. 19.

² Завершить ликвидацию неграмотности // Сталинская трибуна. — 1941. — 5 марта.

³ Постановление бюро ОК ВКП (б) ХМНО, Омской области // ГАХМАО. — Ф. 5. — Оп. 1. — Д. 158. — Л. 57-58.

⁴ Подсчитано по: ГАХМАО. — Ф. 5. — Оп. 1. — Д. 160. — Л. 40-53. — Д. 190. — Л. 12 об.

⁵ ГАХМАО. — Ф. 31. — Оп. 1. — Д. 75. — Л. 19-21, 47, 48,

⁶ Там же. — Л. 72.

⁷ Подсчитано по: ГАХМАО. — Ф. 5. — Оп. 1. — Д. 160. — Л. 8-13, 17, 23, 25, 36.

⁸ Там же. — Д. 172. — Л. 31 об.

⁹ Подсчитано по: ГАХМАО. — Ф. 5. — Оп. 1. — Д. 172. — Л. 10, 78.

**О ПРОБЛЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДУКТАМИ
ПИТАНИЯ И ЕЕ РЕШЕНИИ В ЭВАКУИРОВАННЫХ
ДЕТСКИХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(1941—1945)**

Тема эвакуации и пребывания гражданского населения в Западной Сибири является актуальной, поскольку остаются невыясненными многие сюжеты, связанные с процессом эвакуации, размещением, трудовым использованием. Особый интерес вызывает изучение положения эвакуированных детей, детских учреждений в Сибирь.

В советской историографии эта проблема затрагивалась в трудах Л.Д.Заднепровской, С.А.Гурьевой и др.¹ В современной историографии к проблеме эвакуированных детских учреждений обращались Т.И.Дунбинская, Л.И.Снегирева, Л.И.Снегирева².

По сведениям Л.И.Снегиревой всего в Западную Сибирь было эвакуировано 310 детских учреждений, в которых насчитывалось 34 364 человека.

22 августа 1941 года Оргбюро ЦК ВКП (б) обязало ЦК компартий СССР, крайкомы, обкомы, ВКП (б), Наркомпрос, Наркомздрав СССР принять все необходимые меры для создания нормальных условий проживания эвакуированных детей.

Комсомольские организации и руководящие комсомольские работники регулярно ставили перед партийными, советскими, профсоюзными организациями вопросы, связанные с обслуживанием эвакуированных детей. В спасении детей принимали участие все народы многонационального советского государства.

По решению ЦК ВЛКСМ, ЦК союзных республик, обкомы, горкомы, райкомы и помощники начальника НКПС прилагали усилия по обеспечению отправки детей в оборудованных вагонах, организовали бесперебойное снабжение в дороге и на станциях кипятком, приспособивали имеющиеся в местах крупных стоянок эшелонов под детские кухни и столовые, следили за порядком в детских комнатах эвакуопунктов. Создавались специальные

посты по продвижению эвакопоездов и вагонов с детьми, базары для продажи овощей и молока детям. Многочисленные документы свидетельствуют о том, что вопросы приема, размещения, обустройства, улучшения материально-бытовых условий, медицинское обслуживание, обучения и воспитания детей были в центре внимания советских, партийных организаций в течение всех лет войны.

Тепло встречали ленинградских детей в Ханты-Мансийском национальном округе, факты отражены в одном из документов: «В поселке Кедровый население, оборудовав и убрав помещение, предназначенное для размещения детей, накрыв по-праздничному столы, всем селением вышло встречать пароход с эвакуированными детьми. Детей ожидал горячий обед. Комсомольцы приготовили детям грибы, ягоды, одежду, обувь».

В годы войны нормы на отдельные продукты питания по детским продовольственным карточкам были приравнены к нормам снабжения рабочих и служащих, а в отдельных случаях были выше норм снабжения взрослых иждивенцев. Детям выдавался несколько лучший ассортимент продуктов и было организовано снабжение молоком. Ослабленные или больные дети, по назначению врача, получали дополнительное питание или повышенные нормы. Калорийность дополнительного или повышенного питания была значительно выше калорийности основного пайка³.

Питание эвакуированных детей раннего возраста осуществлялось в основном через молочные кухни и кухни прикорма, например «из постановления бюро Томского горкома ВКП(б) об организации питания ослабленных детей» следует, что оно решило организовать 2 кухни для детей раннего возраста, создать спец.врачебную комиссию. В Западной Сибири число молочных кухонь за период с 1942 г. по 1945 г. увеличилось с 96 до 207, и их мощность возросла до 57 672 порций⁴. Так, по решению Томского горисполкома от 1 апреля 1942 г. молочная кухня в городе была расширена до размеров обеспечивающих лечебными смесями детей города до 1 000 чел. В конце апреля 1942 г. были организованы еще две кухни прикорма для детей до 3 лет в северной и южной частях города, с пропускной способностью до 1 000 чел. каждая, обеспечивающие питанием, прежде всего, детей эвакуированных и низкооплачиваемых групп населения по назначению

детских консультаций. Об этом свидетельствует решение Тисульского райисполкома Новосибирской области о работе молочной кухни и детской чайной в с.Тисуль, в нем предписывалось обеспечить кухню разнообразными продуктами питания, составлять меню на пятидневку с учетом возрастных особенностей детей, ввести в рацион питания витамины «С», «Д», установить контроль за своевременной выдачей продуктов.

В конце октября 1942 г. Совнарком СССР принял Постановление об усилении питания детей слабого здоровья в возрасте от 3 до 13 лет⁵. В соответствии с ним в городах и поселках областей Западной Сибири были дополнительно открыты столовые для усиленного и диетического питания детей. К началу 1943 г. в Западной Сибири к столовым были дополнительно прикреплено 17 тыс.

Трудности в решении задачи обеспечения питанием эвакуированных детей сохранялись до конца войны. Местные органы власти Западной Сибири прилагали новые усилия, находили резервы, более широко использовали местные ресурсы, оказывая помощь эвакуированным детям.

Значимую роль в обеспечении дополнительным питанием эвакуированных детей сыграли подсобные хозяйства. В соответствии с Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 7 апреля 1942 г. «О выделении земель для подсобных хозяйств и под огороды рабочих и служащих»⁶ наркоматы просвещения СССР и РСФСР в апреле 1942 г. принимают решение о создании подсобных хозяйств при детских учреждениях. Каждому детскому учреждению для этого выделялись земельные участки из расчета на 100 воспитанников — 10 га, а также семенные фонды и инвентарь. Все продукты, полученные от подсобных хозяйств детских домов, разрешалось использовать для улучшения питания детей, без зачета их в основную норму снабжения. Заведующим детских домов, садов, директорам школ предписывалось организовать подсобные хозяйства с таким расчетом, чтобы обеспечить детей собственными продуктами на весь год. На исполкомы областных, городских и районных советов депутатов трудящихся возлагалась обязанность оказания помощи детским учреждениям в организации хозяйств. Районные отделы народного образования должны

были выдавать авансы в два срока: в период организации подсобного хозяйства и осенью, во время заготовки овощей на зиму.

В г.Тобольске при доме отдыха имелось подсобное хозяйство — земельный участок под картошку и овощи, теплицы для выращивания ранних огурцов и помидоров. Были также пасека и небольшое стадо молочных коров. Дети активно помогали взрослым в хозяйственных работах. В 1942 году был выращен такой богатый урожай моркови, огурцов, помидоров, капусты, что коллектив дома отдыха заслужил право показать свои достижения на районной сельскохозяйственной выставке. Несмотря на собственные тяготы и невзгоды, дети всеми силами старались помочь фронту⁷.

В заключении хотелось бы отметить, что положение эвакуированных детей было не простым, но государство во время войны пыталось обеспечить удовлетворительный уровень жизни. Снабжение продуктами питания осуществлялось неравномерно: одни детские учреждения снабжали лучше, другие хуже, что зависело от многих факторов. Существовал очень жесткий контроль за распределением продуктов питания.

Примечания

¹ Заднепровская, Л.Д. Забота партии и правительства о детях в годы Великой Отечественной войны // Вместе с армией и народом. — Волгоград, 1970. — С 66—67; Гурьева, С.А. Помощь трудящихся Западной Сибири эвакуированным детям // Сибирь в годы Великой Отечественной войны. — Новосибирск, 1986. — 45 с. и др.

² Дунбинская, Т.И. Организация помощи семьям военнослужащих и эвакуированным в годы Великой Отечественной войны // Образование в Сибири. Актуальные проблемы истории и современности Материалы III Всероссийской научной конференции. — Томск, 2004. — 187 с.; Снегирева, Л.И. Во имя победы: Эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь в годы Великой Отечественной войны в документах и материалах. В трех томах. Том III «Спасенное детство». — Томск: изд-во ТГПУ, 2005. — 398 с.; Снегирева, Л.И. Забота сибиряков о эвакуированных детях // Актуальные проблемы истории Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) и современности Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 61-й годовщине Победы СССР в Великой Отечественной войне (11—12 мая 2006 г.). — Томск: издательство ТГПУ, 2007. — С. 155—174.

³ Снегирева, Л.И. Во имя победы: Эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь ... — С. 134.

⁴ Дунбинская, Т.И. Организация детского питания в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Томск и томичи для фронта и победы. — Томск, 1995. — С. 183.

⁵ Снегирева, Л.И. Во имя победы: Эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь ... — С. 197.

⁶ Там же. — С. 195.

⁷ Тренина, Г.Н., Федорчук, И.А., Еремкина, Е.А. Память: историко-краеведческий проект к 65-летию Победы в Великой Отечественной войне: в двух частях. — Ч. 1. Тобольск в годы Великой Отечественной войны. — Тобольск, 2010. — С. 30—43.

В.В. Фарносова

УЧАСТИЕ КОМИ В ТОРГОВЛЕ СЕЛА МУЖИ В XX в.

Склонность коми к коммерции, о наличии коммерческой жилки, замечали не мало исследователей XIX века. Село Мужы одно из мест компактного проживания коми в XX веке. Анализ участия их в советской торговле села и Шурышкарского района проведен автором статьи на базе документов Ф. 37, Ф. 17 отдела по делам архива Администрации МО Шурышкарский район.

В первой четверти XX века село Мужы «производило впечатление городка, оно «исключительно принадлежало» зырянам и лишь служащие были русскими. Мужы типичное коммерческое село... имеется слой зырян, не имеющих оленей, но по купле-продаже оленьей продукции, не уступающие середнякам», — так писал Г.Старцев в статье «О зауральских зырянах» в журнале «Коми Му — зырянский край» в 1926 г. Проживало в то время зырян в Мужах — 1 305 человек. Грамотных из них 307 человек. В школе обучалось 77 зырян и 6 русских¹. В 1940—1941 учебном году в школе обучалось 373 ученика из них 230 коми, в том числе 140 детей обучались с 1 по 4 класс².

Данную способность коми к торговле, торговые связи с Приуральем были использованы и в советской торговле в советский период истории нашего региона. У истоков первых кооперативов во время НЭПа наверняка было большинство коми. К примеру, в месте компактного проживания коми, в п.Саранпауль Березовского района в 1928 г. председателем интегрального общества

был коми Г.М.Пономарев. Подтверждением торговых связей с Приуральем могут быть поставки оленьих шкур и пантов на переработку из Саранпаульского совхоза в Коми республику в 60—70 годы³.

Мужевское потребительское общество существует на территории до сих пор. В его состав входили рыбкоопы: Мужевский, Сынский, Шурышкарский, Питлярский, Кушеватский, Куноватский, Азовский, Восяхоский. Их функции во многом напоминали работу многопрофильных рыбных артелей начала советского периода. Мужевский рыбкооп в 70-х возглавлял Чупров Федор Степанович. Терентьев А.Г. был заведующий торговлей⁴. «Раньше, — по утверждению главного бухгалтера рыбкоопа Г.Г.Каневой, — в торговле и общепите в районе много работало коми, человек 70. В.В.Попов возглавлял заготовительный отдел, директором Шурышкарского рыбкоопа работал Г.С.Рочев»⁵. Портреты 32-х ветеранов торговли сегодня висят на почетной доске предприятия. Из них 22 человека, судя по фамилиям — коми. Это учетчицы, продавцы, пекари, зав. складами, бухгалтера.

В протоколах заседаний Шурышкарского райисполкома за 1967—68 г. имеются документы о соцсоревновании сельских советов района, выполнении плановых показателей по торговле. Работа общими усилиями на конечный результат. Так «План добычи пушнины составлял 84,96 руб., факт 97,44 руб. План продажи мяса 2 400 ц., факт — 1 742 ц. Главный показатель — розничный товароборот планировался 4 560 руб., фактически составил 4 753»⁶. В 1973 г. план продажи мяса государству составлял 300 тн. Заслушивался вопрос «Об итогах сбора пищевых отходов для откорма свиней»⁷. Через 20 лет в документе «О социально-экономическом развитии Шурышкарского района за 1997 г.». отмечено, что производство товаров народного потребления составляло 15 966,4 млн. руб. Остались следующие предприятия торговли района — АООТ, ПКФ «Горки», Мужевское потребительское общество, Горковское ПО, Шурышкарское ПО. Вылов рыбы в этом году составил — 1 390,9 тн. Вывезено деловой древесины 550 куб.м., пиломатериалов — 1 496 куб.м. Произведено молочной продукции 41 тн., мяса 61 тн. Пищевых товаров 15 966,4 тн., товаров легкой промышленности на 1 004 руб., хлебобулочных изделий 875,6 тн.»⁸.

Плюсы и минусы организации торговли в районном центре и в торговых точках района в советский период часто обсуждались на заседаниях Шурышкарского райисполкома совета депутатов трудящихся. В докладной записке заместителя председателя райисполкома Замятиной «О работе Мужевского рыбкоопа в 1988 г.» перечислены минусы: «От населения не производятся закупки Рыбкоопом излишек сельхозпродукции. Сдатчикам приходится искать заготовителя. За 10 месяцев закуплено на 25% картофеля, пушнины на 36%. Есть очереди за мясом, молоком. Не организуется праздничная торговля, ярмарки, плохо поступают стройматериалы. В магазинах ограничен ассортимент. Общепит принес убытки. Снижены доходы столовой. Нарушаются правила торговли алкоголем»⁹.

Все это приметы экономического спада, которые были характерны для региона данного периода. В докладной записке председателя комитета Т.И.Вокуева (коми) — «О результатах проверки распределения фондов продовольствия и организации торговли продуктов питания в Мужевском и Горковском рыбкоопов от 13.01.1989 г.» говорится: — «Проверка показала, что существующий механизм распределения продовольственных ресурсов по торговым пунктам во многом не отвечает принципам социальной справедливости. Рыночные фонды продажи товаров между населенными пунктами делятся механически, исходя из сложившейся структуры товарооборота»¹⁰.

О первых ростках предпринимательства свидетельствуют следующие строки протокола исполкома от 20.01.1989 г. «Список граждан, изъявивших желание заниматься индивидуальной трудовой деятельностью». Из 10 фамилий двое коми Семяшкина и Чупрова изъявили желание производить меховые изделия в виде унтов, бурок «с реализацией продукции на пристани Мужи». Еще такой же список: уже 5 человек из них — 3 коми с тем же желанием изготавливать и продавать меховые изделия на пристани¹¹. Двадцать лет назад, в протоколе заседания исполкома от 13.02.68, было записано — «Принято решение об установлении розничных цен на меховые изделия, изготовленные коми надомницами рыбкоопа. «Бурки женские с орнаментом — 18 руб. 37 коп., без орнамента — 16 руб. Для выделки шкур выделяется оленья печень 1 кг стоимостью 50 коп.»¹².

Представление о торговле коми в Мужах было бы не полным, если не охарактеризовать ее в переходный постсоветский период. Коснемся сферы заготовок. Вот как охарактеризовал ее один из бывших работников заготпункта. «Заготавливали ягоды, грибы, по 5 тн. брусники. Сдавали в заготовительный отдел оленину, свинину, лосятину, лапы покупали в рыбкоопе, боровую дичь, ондатру сдавали, песка, лису. В магазинах существовала полка сдатчика. Сдал 100 кг мяса 300 руб. получил, можно было на них купить швейную машинку. В 90-е годы летчики прилетали на вертолете, закупали по 50 кг брусники, грибы, оленину, сдавали потом в Салехарде для этой полки сдатчика. С Варшегорской шахты на вертолете летчики прилетали, меняли бруснику на серые валенки. Оленьи шкуры несли на продажу на туристический теплоход «Патрис Лумумба», теперь выбрасывают эти шкуры. Вывоз в Салехард — Ижму — Париж для изготовления замши раньше был да сплыл. С теплоходов из Новосибирска, Омска спрос на рыбу колодкой. До 300—350 шт. продают им сырка. В прежние времена муксуна и не ели, ловить не разрешалось, могли посадить».

В Мужах еще и в ХХIв. не исчезли лошади — бывшая основная тяговая сила в 60-е годы ХХ в. Села Восяхово, Ямгорт (Ямщицкий поселок) — в прошлом пункты смены лошадей на почтовом тракте Тобольск — Самарово — Березово — Мужы — Салехард. В 1997 г. в селе было 130 лошадей, из них 56 принадлежало коми семьям. В этом же году коми хозяйств в Мужах насчитывалось 358. По отчетам статистики 1997 г. в селе было 72 грузовых машины¹³. Пока не появились «Бураны», продукты по юртам развозились на оленях, а летом на лодках. Таким был транспорт, используемый для поставки товаров.

Схема поставок товаров на протяжении столетия так же претерпевала изменения. Г. Старцев в 1926 г. предлагал поставлять книги и газеты изданные на коми языке из Коми республики в село Мужы по маршруту — «Усть-Сысольск — Ижма — Няксимволь — юрты Ляпино — Саран-Пауль, оттуда на Мужы, Обдорск и Березово». Олений путь «на Кресты» от с. Мужы, через Урал к тому времени видимо уже мало использовался. Обозы с продовольствием доставлялись по почтовому тракту до 70-х. В довоенное и послевоенное время продукты, товары первой необходимости поставлялись так же по Северному морскому пути. Использовался

речной маршрут по Оби Тобольск — Мужи — Салехард. Строительство железной дороги до станции Лобытнанги дало новый путь для поставки товаров. Теперь сметану, «молочку» предприниматели поставляют из Лобытнанг. Плавмагазины из Омска и Томска поставляют мебель, строительные материалы и другие товары.

В 2009 г. кооперативная торговля в виде Мужевского потребительского общества представлена 18 магазинами по району, 1 кафе «У Григорича» и 5 пекарнями. Работников всего 147 человек. В управлении работает коми 9 человек, в том числе главный бухгалтер. По району 14 коми работающих в торговле. В 70-е годы только плотниками потребкооперации работало — 13 коми, во флоте — 5 человек¹⁴. В районном центре широко развито частное предпринимательство. Здесь 8 частных магазинов. Есть вещевой рынок. Ряд коми, бывших работников торговли, стали заниматься торговлей самостоятельно. Среди них О.Е.Заворуева. Ее сеть — 2 магазина в с.Мужи, поставка товаров в Восяхово, в Новый Киеват. Бывшая комсомолка, секретарь комсомольской организации Мужевского рыбокооператива и сейчас занимает активную жизненную позицию, является депутатом районной Думы. Навыки руководителя получила «по наследству», ее отец Е.З.Ануфриев был директором КБО. Участница народного коми коллектива «Мужисаяс». Обучает своих внуков коми языку.

По результатам исследований можно отметить, что коми с.Мужи не потеряли свою коммерческую жилку. Они были в числе руководителей советской торговли. Часть из них по-прежнему занималась торговлей будь она обобщественная в советский период или снова частная в XXI веке.

Примечания

¹ Старцев, Г. О зауральских зырянах. Коми Му — зырянский край. — 1926. — № 1—2. — С. 46—50.

² Школа с.Мужи 1941—1945 годы // Отдел по архивам МО Шурышкарский район. — Ф. 37. — Оп. 1. — Д. 32а. — Л. 1.

³ Странички из жизни Саранпауля / Сост. Вокуев, Н.Т., Лагунов, Н.Я., Харитонов, М.Д. при финансовой поддержке Епрева, А.А. — 1992.

⁴ Протоколы, решения заседаний исполкома районного совета депутатов трудящихся 1968 г. // Отдел по делам архивов Администрации Шурышкарского района. — Ф. 17. — Оп. 1. — ед.хр. 762. — Л. 45, Л. 108.

⁵ Информант Г.Г.Конева.

⁶ Протоколы, решения заседаний исполкома районного совета депутатов трудящихся 1968г.» «Социалистическое соревнование сельских советов за 1967—68 гг.» // Отдел по архивным делам МО Шурышкарский район. — Ф. 17. — Оп. 1. — ед.хр. 762. — Л. 7.

⁷ Протоколы заседаний исполкома Мужевского районного совета народных депутатов трудящихся 1973 г. — Ф. 17. — Оп. 1. — ед.хр. 762. — Л. 198. «Об итогах сбора пищевых отходов для откорма свиней». Протокол № 6 заседания Мужевского райисполкома от 29.03.73 // Там же. — Л. 217.

⁸ Аналитические записки и доклады районного отдела статистики по всем отраслям хозяйства и достоверности отчетных данных. 1997 г. «О социально-экономическом развитии Шурышкарского района за 1997 г.». — Ф. 30. — Оп. 1. ед.хр. 644. — Л. 8-26.

⁹ О работе Мужевского рыбокооп в 1988г.». Протокол № 1 от 13 от января 1989 г. — Ф. 17. — Оп. 1. — ед.хр. 762. — Л. 18-20.

¹⁰ О результатах проверки распределения фондов продовольствия и организации торговли продуктов питания в Мужевском и Горковском рыбокоопов от 13 января 1989 г. — Ф. 17. — Оп. 1. — ед.хр. 762. — Л. 21-25.

¹¹ Приложение к решению № 21 исполкома от 20.01.1989 г. «Список граждан, изъявивших желание заниматься индивидуальной трудовой деятельностью». — Ф. 17. — Оп. 1. — ед.хр. 762. — Л. 40, Приложение к решению исполкома № 34 от 23.02.1989. — Л. 126.

¹² Протокол заседания исполкома от 13.02.68. — Ф. 17. — Оп. 1. — ед.хр. 762. — Л.86.

¹³ Именные списки граждан, проживающих в сельской местности и имеющих скот 1997 г. — Ф. 30. — Оп. 1. — ед.хр. 651. — Л. 20-36 // Сводки, справки, таблицы по статистике транспорта и связи. Отчеты по Ф4-нт «О поступлении и использовании рацпредложений» 1997 г. — Ф. 30. — Оп. 1. — ед.хр. 648. — Л. 1.

¹⁴ Информанты Г.Г.Канева, Ш.Г.Драньян.

Л.В.Харлова

МУЗЕЙНОЕ ДЕЛО ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ НЕФТЕГАЗОВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ (СЕРЕДИНА 1960-х — НАЧАЛО 1990-х гг.)

Нефтегазовое освоение северных регионов открыло новую страницу в истории Ханты-Мансийского округа.

Большой приток трудовых ресурсов создал потребность в их социальной адаптации, закреплении на новой территории. В связи

с этим, базовой задачей работников культурно-просветительской сферы стала популяризация достижений края, воспитание любви к нему, организация досуга¹.

С середины 1960-х гг. в округе развернулось музейное строительство в рамках общегосударственной активизации музейно-краеведческой деятельности (12 мая 1964 г. было принято Постановление ЦК КПСС «О повышении роли музеев в коммунистическом воспитании трудящихся»). В то же время, одним из основных мотивов этого процесса стало интенсивное развитие нефтегазовой промышленности. Фактически в рассматриваемый период произошло формирование музейной сети ХМАО. Ранее на данной территории существовал лишь Ханты-Мансийский государственный окружной краеведческий музей (небольшие музейные коллекции имелись при культбазах, но последние были упразднены до начала рассматриваемого периода). С 1963 по 1979 гг. музеи появились в ряде районных центров — городах с древней историей: Сургуте, Березове, Нижневартовске, которые на данном этапе переживали «второе рождение». Тогда же началась история создания музеев во вновь образованных промышленных городах — Урае и Нефтеюганске².

С середины 1960-х гг. Окружной, а затем районные музеи установили постоянные связи со школами округа. Они оказывали методическую и практическую помощь в создании и оформлении школьных музеев. В рассматриваемый период учащиеся составляли значительную часть музейных посетителей.

Первые музеи округа относились к краеведческому, или комплексному, профилю, и на данном этапе тематика нефтегазовой промышленности стала ведущей в фондовой, экспозиционно-выставочной и культурно-просветительской музейной работе. Комплектование фондов по истории промышленного освоения и развития края проводилось в течение всего рассматриваемого периода, а музейные экспозиции этого направления регулярно обновлялись. Впоследствии Нижневартовский и Сургутский филиалы Областного музея стали называться музеями «Освоения Среднего Приобья».

Культурно-просветительская деятельность музеев была достаточно разнообразной. Следует особо отметить Дни открытых дверей, на которых часто организовывались встречи с участниками

освоения природных богатств, работниками нефтяной и газовой промышленности округа. Эффективной формой профориентационной работы стали такие экскурсии, как «Школьный день на буровой»³.

Благодаря открытым природным богатствам Югорская земля стала широко известна. С середины 1960-х гг. Ханты-Мансийский музей отправлял письма-справки по истории края не только в пределах округа, но и всего государства. На данном этапе получило развитие музейное экскурсионное обслуживание туристов. Кроме того, в рассматриваемый период в округ зачастую прибывали гости с деловыми целями. Например, уже в 1964 г. молодой Сургутский музей посещали группы ответственных работников системы нефтяной и газовой промышленности СССР; в 1973—1974 гг. Окружной музей принимал делегации нефтяников из разных областей и республик СССР⁴.

Возложенные на музеи задачи требовали совершенствования их материально-технической базы. В ряде случаев имело место участие нефтегазовых предприятий в финансировании музеев.

Поскольку объем музейной деятельности только возрастал, постоянно наблюдалась нехватка кадров. Все музеи, кроме Окружного, образовались на общественных началах и не скоро приобрели возможность иметь свои штаты. В первое время функционирования все обязанности исполняли их инициаторы и создатели. В связи с дефицитом штатов, проблема кадрового обеспечения в основном решалась благодаря энтузиастам или за счет ставок других организаций, в том числе нефтегазовых.

Большую роль играло культурное шефство Областного краеведческого музея и Областной картинной галереи над северными регионами. Выездные мероприятия на территории ХМАО стал проводить и Окружной краеведческий музей. Ярким событием явилась организованная им в 1971 г. передвижная фотодокументальная выставка «Дела и люди округа», которая была продемонстрирована во всех городах и отдаленных рабочих поселках⁵. С 1973 г., по договоренности с администрацией, партийным руководством промышленных предприятий и Всесоюзных комсомольских ударных строек, Окружной музей стали посещать организованные группы производственных вахтовых бригад и рабочих. Они добирались до Ханты-Мансийска на быстросходном

транспорте⁶. Вместе с тем, передвижные формы культурно-массовой музейной деятельности долго сохраняли свою актуальность.

Промышленное развитие отразилось в особенностях профилирования музеев ХМАО. Для культурного обслуживания трудящихся в округ из центра направлялись передвижные художественные выставки, а уже в конце рассматриваемого периода в округе стали действовать Когалымский филиал Областного музея изобразительных искусств и отделение художественного фонда⁷. Также в краеведческих музеях были созданы выставочные залы. В середине 1980-х — начале 1990-х гг. появился целый ряд этнографических музеев, ставивших задачу сохранить традиционные элементы культуры и быта на Югорской земле. Примечательно, что они также рассматривались как «подспорье в обслуживании нефтяников и газовиков»⁸. Ряд краеведческих музеев стал специализироваться по этнографии. Кроме того, было положено начало историко-культурным музейным центрам, воссоздающим старинную застройку северных сибирских городов. В связи с научно-техническим прогрессом и стремительными изменениями в пространственном и экологическом облике края также начали образовываться музеи природы, значительное внимание стало уделяться археологической деятельности местных музеев.

Примечания

¹ Архивный отдел Администрации г.Сургу́та (АОАГС). — Ф. 217. — Оп. 1. — Д. 40. — Л. 8; Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (ГАХМАО). — Ф. 344. — Оп. 1. — Д. 43. — Л. 24.

² Государственный архив Тюменской области (ГАТО). — Ф. 1731. — Оп. 1. — Д. 768. — Л. 157; Там же. — Д. 787. — Л. 76.

³ Там же. — Д. 1038. — Л. 68.

⁴ Ведомственный архив Сургутского краеведческого музея (ВАСКМ). 21.2. Журнал отзывов и пожеланий Сургутскому музею 1963—1965 гг. — Л. 2-4; ГАТО. — Ф. 1731. — Оп. 1. — Д. 787. — Л. 70, 180.

⁵ Там же. — Оп. 3. — Д. 26. — Л. 142, 152.

⁶ Там же. — Оп. 1. — Д. 787. — Л. 70, 180-181.

⁷ Там же. — Д. 1038. — Л. 90; Там же. — Д. 1071. — Л. 183.

⁸ Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). — Ф. 3912. — Оп. 1. — Д. 591. — Л. 10.

Раздел 2

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ЮГРЕ

Н.В.Сапожникова

65-ЛЕТИЕ ПОБЕДЫ И «ЖИВЫЕ ГОЛОСА ИСТОРИИ»: ВОПРОСЫ И НЕКОТОРЫЕ ОТВЕТЫ

У исторических юбилеев свои особенности: к ним готовятся, они празднично торжественны и столь же быстротечны. Не исключением явилось празднование поистине великого события — 65-летия Победы с его громкими политическими реляциями, не менее громкими скандалами и остающимися фактически без ответа вопросами, обращенными скорее лишь к тем, кому, действительно, дорога историческая память (и будем искренними: но от кого по большому счету не так уж много зависит), «постюбилейными» вопросами.

Так что же такое наш очередной юбилей: урок совести, исторической справедливости или «юбилейный штрих» отчетной документации? Что из его наследия примут (и захотят ли принять) новые поколения, а от чего могут и, видимо, должны отказаться? И кто, с помощью каких форм работы способен реально сделать гражданственно-патриотическую деятельность общезначимой и интересной для молодежи, *наполнив ее созидательным нравственным смыслом*. Вопросы непростые, равно как и процесс поиска ответов на них.

На прошедшей 7 мая 2010 г. на гуманитарном факультете НГГУ традиционной IV-й научно-практической конференции «Имею честь достойно Роду не служить именно эти проблемы и стали контрапунктом обсуждаемой программы, посвященной нашему великому юбилею. Участниками этой научной встречи —

от вузовской профессуры и студенчества до школьных учителей и учеников нижевартовских *школ № 8, 23, 30, пос.Зайцева Речка* были предложены «нетривиально-неожиданные» проекты, вокруг презентаций которых и завязалось обсуждение, в том числе на Круглом столе с *обменом этими материалами* между участниками, что, по логике вещей, и должно составлять главный смысл проведения подобных *научно-практических* мероприятий.

Целями конференции, инициатива проведения которой исходила от молодежной студенческой ассоциации «Память и будущее» (кафедра истории России), стали:

- дань памяти погибшим на полях сражений, в концлагерях и трудлагерях, жертв тоталитарных режимов, а также всем тем, в буквальном смысле слова ковавшим Победу в тылу, кто выжил, выстоял и победил;
- презентации юбилейных коллективных и индивидуальных проектов;
- осознание научного и воспитательного потенциала данной проблематики как резерв веры и надежды, совести и памяти, терпения и мужества через приобщение к уникальному историческому наследию нашей общей Победы. Поэтому ставшая традиционной научная конференция «Имею честь достойно Родине служить» проводилась *в нестандартном формате* — без разведения по секциям и ученым рангам, с объединением разных поколений исследователей и живых свидетелей, участников и жертв той страшной и одновременно Великой войны;
- объединение всех активных заинтересованных сил региона (студентов, преподавателей вузов, членов клуба исторической реконструкции «Рокада», учителей и учащихся школ, прессу и ТВ) для совершенствования форм и методов воспитательной и гражданско-патриотической работы. В связи с этим конференция предложила расширить формы сотрудничества, подключив преподавателей, студентов и школьников к проводимым в нашем регионе современным видам исторической реконструкции, в том числе стрейкболу и т.д.

Программа конференции, состоявшая из 3-х частей (1-я: «Общетеоретические, методические и прикладные аспекты гражданственно-патриотического воспитания»; 2-я: «Великая Отечественная война и историческая наука»; 3-я: «Моя неизвестная война») предусматривала серьезный объем научной работы, в том числе студентов-разработчиков творческого модуля «Моя неизвестная война», посвященного осмыслению цены Победы в Великой Отечественной войне и исторической памяти, которая проходит через жизнь и судьбы реальных, живущих сегодня рядом с нами людей.

Прикладная часть состояла из демонстрации результатов реализации следующих проектов:

1. **«Говорящая» «Книга Памяти «Эхо несостоявшегося детства»** (ассоциация «Память и будущее» НГГУ);

2. **Мультимедийный коллаж-отчет** о проведенных ассоциацией «Память и будущее» 5-ти конференциях с размещением на диске материалов 3-й и 4-й конференций «Имею честь достойно Родине служить» (диск был роздан присутствующим и отослан почтой участникам прошедших конференций).

3. **«Маленький памятник большой войны»**. Календарь на 2010-й год: учителя-фронтовики нижевартовских школ. Проект учащейся МОСШ № 30 О.Романовой (науч. рук. М.Н.Нейман)

4. **«Подвиг сибирского учителя в годы Великой Отечественной войны»** Проект учащейся шк. Е.Рычковой (пос.Зайцева речка).

5. **Видеопроjekt мероприятий по стендовому моделизму** и исторической реконструкции (клуб «Рокада»).

6. **Видеоприложение-фильм** к докладу к.к.н. Побединского В.Н. «Психология и философия Великой Победы».

Обсуждение итогов работы конференции на Круглом столе подвело к пониманию того, что заявленная участниками проблематика интересна нестандартностью исследовательских подходов, углубленным методическим обоснованием, увлеченностью поисковой деятельностью и **серьезно-уважительным отношением к нашему прошлому**. Тем самым важно продолжить координацию совместных усилий всех неравнодушных к нашей истории людей — от школьников и студентов до педагогов и энтузиастов-реконструкторов с привлечением внимания Управления по

молодежной политике Администрации города Нижневартовска, СМИ к подобным научным контактам, учитывая интерес молодежи к нашему прошлому и стремление сохранить «живой» историческую память. Особенно — принимая во внимание горький, поистине трагический опыт «проживания» нашей страной каждый раз заново того болезненного «исторического шока», который связан с мировыми войнами и их последствиями.

XX век оказался не просто событийно насыщен, но в той или иной степени сделал участником «всемирной исторической массовки» практически каждого ее современника на фоне этих поистине вселенских страданий человечества — и столь же впечатляющего взлета технических возможностей цивилизации, что привело к появлению масштабного, но практически неразработанного массива источников так называемого «личного происхождения», персонифицируя голоса прошлого через человеческие эмоции, мысли, размышления, дневниковые записи, письма и воспоминания самых разных людей, обойденных вниманием «большой истории».

Чрезвычайно актуальным это видится в отношении такой практически неизученной *разноаспектной страницы истории Второй мировой войны, как малолетнее узничество*. В том числе, на базе психоистории — изучения особенностей детских воспоминаний в условиях фашистской плена, самого характера исторической памяти у детей-узников в соотношении с их взрослым осмыслением драматических фрагментов «тетого» военной поры. А также — резервов детского компенсаторного общения в условиях концлагеря, тех «образов детства», которые оказались пронесенными через всю взрослую жизнь бывших малолетних узников, оказывая влияние на последующую взрослую судьбу.

Между тем многие из жертв войны так и не обрели право на свой собственный голос, покинув этот мир неуслышанными. Лишь единицы из уцелевших узников концлагерей, в том числе малолетних, которых с каждым месяцем и часом становится все меньше, получив это право, могут им воспользоваться в силу возрастных причин. Вместе с ними исчезает *«устная история»* как индивидуализировано-уникальная память об *их войне*, поскольку у каждого из современников тех страшных событий она оказалась своя. По словам *Александра Николаевича Евсеенкова*, родившегося

в 1942 г. (обстоятельства рождения которого так и остались неизвестны, и получившего повторное свидетельство о своем подлинном рождении лишь спустя пятьдесят лет), телеграмма от брата, извещавшая его о новом повороте судьбы, как оказалось, разделенной когда-то с миллионами безвестных малолетних узников фашистских концлагерей, стала тем водоразделом памяти, что расколол жизнь на «до» и «после».

Поэтому столь актуальной становится задача **восстановление исторической справедливости**, в том числе на базе интеграции усилий всех неравнодушных к данной проблематике исследователей, в том числе на уровне международных проектов с архивацией собранных массовых источников, их обработки, публикаций и информационного обмена.

Самым важным, на наш взгляд, являются *прикладные тематические разработки*. Во Франции члены «департаментов исторических комитетов» по изучению истории Второй мировой войны особо активно включились в работу по сбору и обработке сведений о европейском движении Сопротивления, его участниках и руководителях, осуществлявших активные боевые действия в тылу оккупированных нацистами государств.

Именно благодаря усилиям французских, бельгийских, норвежских, голландских историков были установлены имена и опубликованы исторические свидетельства о мужестве и удивительной смелости русских героев Сопротивления, сражавшихся бок о бок с европейскими братьями по оружию. Так мир узнал о Василии Леонтьевиче Ваньшеве, ветеране французского Сопротивления, жителя нашего Нижневартовска, который еще в 1993 г. числился в списках репрессированных! И только когда в посольстве Франции его признали ветераном французского Сопротивления, назначив пенсию и вручив медаль «За освобождение Франции» в дополнение к двум боевым крестам участника Сопротивления, он получил и в России орден Великой Отечественной войны II степени.

В объединенной Германии до сего дня военная проблематика находится на острие большинства общественных дискуссий, несмотря на этап исторического «примирения и согласия». Во Фрайбургском исследовательском центре оказались сконцентрированы основные источники и начата реализация крупных исследовательских

проектов по военной истории, особенно Второй мировой войны, с созданием многотомной ее версии. Примечательно, что именно в этом городе на чердаке одного из домов была обнаружена так называемая «фрайбургская коллекция», собранная нацистским чиновником, заинтересовавшимся символической стороной жизни остарбайтеров. К чести этого человека, в сложных условиях тотального психоза он сумел увидеть в невольниках людей, сохранивших свои традиции и человеческое лицо. Национальный архив звукозаписей и Национальное собрание автобиографий в Британской библиотеке создали общенациональный архивный резерв *«коллективной памяти нации»!* То есть как раз то, что у нас в России с ее богатейшим историческим наследием лишь начинает создаваться. А время уходит. Уходит вместе с теми, кому есть что рассказать потомкам об «осколке» той всемирной истории, что, как снаряд, догнав их судьбы, навсегда врезался в сердца этих людей, даже тех, кто в силу возраста, не помнил о тех страшных днях. А память никуда не исчезает. Что возьмут из нее молодые, захотят ли обременять свой путь таким историческим грузом — вопрос открыт, равно как и очевиден. Воспитание памятью — самый верный и прямой путь к укреплению любой государственности. А ее уроки — напоминание о цене беспамятства.

Н.В.Изубчикова

ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ АГРАРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В РОССИИ В 1930—1945 гг. (РЕКОМЕНДАЦИИ СТУДЕНТАМ)

Крестьянский вопрос являлся и является важнейшим в истории России. В течение XX века осуществилось превращение традиционного аграрного общества в индустриальное, а крестьянской страны в страну бывших крестьян. Весьма тревожны и наблюдаемые сегодня тенденции кризиса современного сельского хозяйства и деревенской жизни. Но реальности сегодняшнего дня своими корнями связаны с прошлым, особенно там, где речь идет о

социально-экономической трансформации, социальных отношениях и социальном облике российской деревни, что требует более вдумчивого осмысления исторического опыта. Ретроспективный анализ факторов, воздействовавших на сельское хозяйство, население деревни, характер взаимоотношений государства и села, помогает понять причины современных проблем сельской России.

В советской историографии годы довоенных пятилеток рассматривались как важнейший период в становлении и развитии советского общества. В кратчайшие исторические сроки в СССР были осуществлены радикальные изменения в различных сферах общественной жизни, в том числе и в сельском хозяйстве. Советскому обществу был дан импульс, который на десятилетия определил его быстрое и эффективное развитие. Все эти преобразования по глубине и масштабности не имели аналогов в истории нашей страны. Осуществленная в конце 1920-х — 1940-е годы реконструкция народного хозяйства привела к превращению СССР в индустриальную державу. Деревня в этом качественном превращении сыграла важную роль. Все то, что пережила российская деревня в этот период, осязаемо проявлялось в ее социально-экономической эволюции и до сих пор является предметом изучения, обсуждения и бурных дискуссий историков, экономистов, публицистов.

Изучение социальных и экономических процессов в советской историографии строилось по принципу анализа этапов построения социалистического общества. Такие исследования были выполнены Н.А.Ивницким, М.А.Вылцаном, Ю.В.Арутюняном, И.М.Волковым по аграрной проблематике 1930—1950-х гг. А.П.Тюрина исследовала развитие советского села 1960—1980-х гг. Эволюция материальной базы сельскохозяйственного производства была изучена В.П.Даниловым, развитие типов и форм сельхозпроизводства М.Л.Богденко и И.Е.Зелениным (совхозы), В.Б.Островским (крестьянский двор). Вопросы организации производства зерна исследовались Ю.А.Мошковым. Процессам электрификации, мелиорации, химизации сельского хозяйства уделялось большое внимание в работах А.П.Тюриной. Итогом историографических достижений советского этапа стала многотомная «История крестьянства СССР», охватывающая период до конца 1950-х гг. В ней аграрный строй трактовался как социалистический, представленный однородными

по социально-экономической природе секторами, в рамках становления которого крестьянство приобрело новые черты, став колхозным, советским. В 1990-е гг. и в начале XXI в., кроме идеологической переоценки важнейших характеристик аграрного устройства советской страны, был описан ряд малоизвестных страниц истории репрессий в деревне, голода, демографических процессов, аграрной политики отдельных правителей, системы сверхэксплуатации крестьян и др. В этот период произошла трансплантация на почву нашей аграрной истории идей западного крестьяноведения.

Предпосылки переоценки базовых характеристик аграрного устройства России 1930—1945-х гг. складывались постепенно. Еще в конце 1950-х — 1960-х гг. в западной советологии обсуждалась концепция «аграрной колонизации» в СССР. Утверждалось, что в 1930—1940-е гг. в стране осуществлялась беспрецедентная эксплуатация крестьянства, в то время как советское сельское хозяйство оставалось отсталым, архаичным, полуфеодальным. В то же время эти исследователи обращали внимание на значительные перемены в экономическом строе сельского хозяйства СССР, произошедшие послевоенный период. Советская историография и особенно экономическая наука конца 1950-х — 1960-х гг. отмечали разность процессов и экономических механизмов, действовавших в аграрной подсистеме до 1950-х гг. и в так называемый, «послесталинский» период. Фактически о господстве базовых элементов аграрного общества к концу 1930-х гг. писал В.П.Данилов. В книге В.Б.Островского были приведены сведения об изменениях в материально-технической базе колхозов, о росте профессиональной специализации в деревне, комментировались изменения в быту и духовном облике колхозного крестьянства, которые не вписывались в господствовавшую в историографии схему. В работах экономистов обращалось внимание на медленный процесс накопления в колхозах, натуральность отношений в селе 1930 — конца 1940-х гг., сохранение в этот период большой роли личного приусадебного хозяйства в аграрной экономике. Традиционность отношений крестьянства с властью в первой половине XX в. подчеркивали М.Левин, Ш.Фицпатрик и другие историки. Еще на рубеже 1970—1980-х гг. был сделан вывод о постепенной унификации социального статуса колхозников

и совхозных рабочих. В конце 1980 — начале 1990-х гг. было отмечено, что старокрестьянский уклад в виде двора (а не ЛПХ) длительное время и в рамках колхозной системы выполнял важнейшие экономические функции, а для самих крестьян до 1960-х гг. являлся основным фактором жизнеобеспечения. Во второй половине 1990-х гг. стало культивироваться изучение системы экономических отношений в колхозной деревне как отношений повинностного типа, характерных для аграрного общества. Также было начато изучение социально-политической и духовной составляющих раскрестьянивания: постепенного угасания традиционного крестьянского менталитета, изменения способов взаимодействия с властью, разрушения уклада крестьянской жизни. В 2002 г. Баранов Е.Ю. и Корнилов Г.Е. изложили новые подходы к изучению эволюции поземельных отношений, динамики капитализации в разных сельских укладах, товаризации продукции, рабочих рук, средств производства в аграрной сфере, радикальных перемен в деревенской инфраструктуре.

Примечания

¹ Алексеева, Л.В. Экономическое развитие Обь-Иртышского Севера в 1917—1941 гг.: Трансформация хозяйственного уклада. — Екатеринбург, 2003.

² Алексеева, Л.В. Хозяйство Остяко-Вогульского округа в первой половине 1930-х гг. // Тюменский исторический сборник. — Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2000. — Вып. 4.

³ Володин, А.Г. Гражданское общество и модернизация в России (истоки и современная проблематика) // Полис. — 2000. — № 3. — стр. 104.

⁴ Ланцов, С.А. Теория политической модернизации и становление парламентской демократии в России // Правоведение. — 1995. — № 4—5.

⁵ Кonyшева, И.И. История землепользования и землеустройства 1917—1941 гг. (на материалах Ханты-Мансийского автономного округа). — Нижневартовск, 2009.

Интернет-ресурсы

1. Баранов Е.Ю., Корнилов Г.Е. — «Проект Ахей» [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.sender,owner-test@fadr.msu.ru>, свободный.

2. Безнин М.А., Димони Т.М. Капитализация в российской деревне 1930—1980-х годов [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.sender,owner-test@fadr.msu.ru>, свободный.

3. Данилов В.П. Аграрные реформы и крестьянство в России [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.sender,owner-test@fadr.msu.ru>, свободный.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ РОЛИ КРЕСТЬЯНСТВА В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА (МАТЕРИАЛЫ К ИЗУЧЕНИЮ СПЕЦКУРСА)

Период советской истории с конца 1920-х гг. дает пример формирования механизма продовольственного обеспечения через народнохозяйственное планирование, которое в силу исключительной сложности объекта управления далеко не всегда справлялось с поставленной задачей. Продовольственный дефицит, а порой, и голод были нередким явлением в советской действительности. В хозяйственной региональной политике преимущественное внимание уделялось отраслям тяжелой промышленности в ущерб легкой и пищевой промышленности и сельскохозяйственному производству, что привело в начале 1930-х годов к аграрному кризису и голоду 1932—1933 гг. Изучение аграрного производства и продовольственного обеспечения населения в 1928—1933 гг. позволяет учитывать исторический опыт при определении перспектив аграрного развития страны и формировании оптимального механизма продовольственной безопасности.

В истории изучения советского крестьянства после начала коллективизации до конца 1980-х принято выделять четыре периода с примерными рубежами: конец 1930-х годов, середина 1950-х и середина 1960-х годов.

Первый период характеризуется тем, что процесс коллективизации крестьянских хозяйств изучался в ходе его осуществления. Основная литература по истории крестьянства и колхозов была представлена работами непосредственных участников колхозного строительства, она содержала фактические материалы текущей статистики, наблюдения современников.

В конце 1930-х годов предпринимались первые попытки написать обобщающие исследования о социалистическом преобразовании в деревне, о победе колхозного строя.

Работы, вышедшие с конца 1930-х по первую половину 1950-х годов, в основном, комментировали и иллюстрировали отдельными

фактическими примерами положения «Краткого курса истории ВКП (б)». Коллективизация в них показывалась довольно идиллически: «Крестьяне массами приходили в колхозы, в МТС, наблюдали за работой тракторов, сельхозмашин, выражали свой восторг и тут же принимали решение — «пойти в колхозы».

С середины 1950-х годов начался новый период в развитии отечественной историографии, в ходе которого историки на основе широкого круга архивных источников пытались критически переосмыслить историю советского общества с позиций марксистско-ленинской методологии. Это касалось и аграрной тематики.

Новаторские идеи появились в работах В.П.Данилова, В.М.Селунской: ими было доказано отсутствие необходимой материально-технической базы для производственной кооперации деревни к концу 1920-х годов, подчеркивалась роль административных методов в проведении коллективизации. В.П.Данилов пришел к выводу, что «к началу массового колхозного движения еще не было создано материально-технической базы для социалистического сельского хозяйства, но отдельные элементы ее уже имелись, образуя предпосылки для осуществления коллективизации». Однако следует оговориться, что В.П.Данилов не исследовал глубоко вопроса технической оснащенности сельского хозяйства отдельных регионов страны. Вскоре данная инновационная тенденция в изучении социалистического преобразования сельского хозяйства была прервана.

В 1950-е годы в исторической литературе встречались неверные оценки состояния сельскохозяйственного производства в годы аграрной модернизации. Э.Бурджалов, М.А.Краев вопреки фактам понижения показателей в растениеводстве сообщали о повышении урожайности и увеличении валового сбора зерновых культур в 1930—1932 гг. А.Гончаров, А.Ильин, И.Лаптев, Ф.Пиджарый, посвятив свои работы проблемам истории советского государства во время коллективизации сельского хозяйства и «борьбы» коммунистической партии за ее проведение, вообще воздержались от оценки состояния аграрного производства.

Отдельными исследователями отмечались факты уменьшения валового сбора зерна, резкое сокращение поголовья скота в первые годы коллективизации. Среди причин этих «издержек производства» историки называли вредительство кулака и кулацкую

агитацию, перегибы и «искривления», допущенные в ходе коллективизации. В учебном пособии «История СССР. Эпоха социализма» в качестве факторов спада в животноводстве указывались «частнособственнические пережитки крестьян», недостатки в организации и оплате труда. Требовалось более тщательное исследование факторов, оказавших негативное воздействие на развитие сельского хозяйства.

Работе машинно-тракторных станций в годы сплошной коллективизации были посвящены статьи А.Швецова и Ю.Родиной. В них отмечалась активная роль МТС в расширении посевных площадей и повышении урожайности, помощь МТС в обучении колхозных кадров, улучшении организации труда в колхозах, повышении трудовой дисциплины. Все эти вопросы в статьях были только поставлены, но не раскрывались на основе конкретно-исторического материала.

В изучении сельского хозяйства в СССР до 1960-х годов основное внимание обращалось на создание колхозов, объединение в них крестьян — единоличников, организационно-хозяйственное развитие коллективных хозяйств, налаживание их производства. При этом процесс колхозного строительства изучался главным образом по материалам конца 1929 — начала 1930 гг. Исследования в основном были хронологически ограничены годом «великого перелома» или коротким периодом (до лета 1930 г.), получившим название сплошной коллективизации.

С начала 1960-х годов наблюдается поворот внимания исследователей к разработке ряда проблем «решающего этапа сплошной коллективизации». В статьях И.Е.Зеленина, М.Л.Богденко, в монографии С.П.Трапезникова был впервые исследован процесс коллективизации крестьянства на материалах страны в целом.

Введение в научный оборот большого количества нового фактического материала позволило вывести рассмотрение аграрных проблем советской истории на новый уровень. В 1960-х годах появились монографии Ю.А.Мошкова, А.А.Барсова, В.Н.Яковецевского и других авторов, где были существенно уточнены бытовавшие в литературе представления о развитии сельскохозяйственного производства в годы первых пятилеток. В 1968 г. появилась статья З.К.Звездина, едва ли не первого обратившегося к судьбе единоличного крестьянского хозяйства 1930-х — 1940-х годов.

Опубликованные во второй половине 1960-х — 1980-х годах труды по истории крестьянства свидетельствуют о дальнейшем расширении масштабности и углублении научно-исследовательской работы в этой области, об охвате всех союзных и автономных республик, крупных национальных и экономических регионов страны.

Следует отметить значительный вклад Ю.А.Мошкова в изучение проблемы производства и распределения хлеба в годы первой пятилетки. В его монографии «Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР (1929—1932 гг.)» проанализированы развитие зернового производства, изменение объема и форм заготовок хлеба, масштабы и способы удовлетворения потребностей населения в городе и деревне.

Историками-аграрниками стала плодотворно изучаться проблема становления и развития сельскохозяйственного производства, роль крестьянства в этом процессе. В работах показано, что в конце 20-х годов в условиях быстро растущих потребностей социалистической промышленности в сырье и населения в продуктах питания проявились ограниченные возможности роста мелкокрестьянского производства, его неспособность удовлетворить потребности страны. Советские историки подчеркивали, что снижение валового производства в 1931—1932 гг. не свидетельствовало об упадке сельского хозяйства, объясняли это временное явление трудностями колхозного строительства.

Исследования В.П.Данилова являются основополагающими по истории советской деревни накануне коллективизации, что признается отечественными и зарубежными историками. Изучение развития крестьянских хозяйств привело В.П.Данилова к выводу о крайней ограниченности их возможностей в решении производственных задач и полной неспособности найти в этих условиях выход из социальных проблем. Позднее В.П.Данилов, как и некоторые историки советского времени, многое пересмотрел в оценке истории доколхозного и колхозного крестьянства. В частности, историк отмечает, что проблемы и трудности современного сельского хозяйства уходят своими корнями в историческую драму сплошной коллективизации.

Одновременно историками-аграрниками проводились исследования совхозного строительства и производства. Ход совхозного

строительства конца 1930-х — начала 1940-х годов изучался главным образом на материалах зерновых хозяйств — важнейшей группы совхозной системы тех лет — и получил известное осмысление с выходом в свет обобщающих работ И.Е.Зеленина, М.Л.Богденко, И.Е.Кантышева.

В 1990-е годы изучение коллективизации находится в центре исследований В.П.Данилова, Н.А.Ивницкого, И.Е.Зеленина, М.А.Вылцана, В.В.Кабанова, М.Левина и др. Принципиально важное значение имеют исследования влияния аграрной политики на сельскохозяйственное производство. Важное значение в становлении современной историографии аграрной истории имеют публикации теоретического семинара «Современные концепции аграрного развития» в журнале «Отечественная история» в 1990-е гг.

Во второй половине 1980-х годов появились публикации отечественных и зарубежных ученых и общественных деятелей, связанные с темой продовольственного обеспечения населения: одной из наиболее активно обсуждаемых тем стал голод 1932—1933 гг. в СССР.

Голод 1932—1933 гг. являлся запретной темой в советской историографии, одним из «белых пятен» в отечественной истории. Это было связано с замалчиванием самого факта голода руководством Советского государства. Голод в стране был «засекречен». Историки в лучшем случае обсуждали трудности проведения хлебозаготовительных кампаний, которые объяснялись «саботажем кулачества» и объективными причинами — погодными условиями, сложностью становления колхозов.

Первые о факте голода 1932—1933 гг. в советской исторической литературе было заявлено в изданном в 1986 г. втором томе «Истории советского крестьянства». В период перестройки начали писать о насильственной коллективизации и голоде 1932—1933 гг. в основных зерновых районах СССР — на Украине, Северном Кавказе, в Поволжье, Казахстане — историки-аграрники В.П.Данилов, И.Е.Зеленин, Н.А.Ивницкий.

В 1988 г. вышла статья В.П.Данилова, посвященная дискуссии по проблеме голода 1932—1933 гг. в СССР в западной прессе. Западные советологи в 1980-х годах обсуждали два вопроса: причины и последствия голода. Р.Конквест в книге «Скорбная жатва:

советская коллективизация и террор-голод» пишет о гибели от голода в 1932—1933 гг. 7 млн. человек, из них 5 млн. — на Украине, 1 млн. — на Северном Кавказе и 1 млн. — «в остальных районах». Голод, по мнению Р.Конквеста, представлял собой проявление антиукраинского геноцида, был частью «организованного террора» против украинского народа и против немцев Поволжья.

В последнее время российские и зарубежные ученые сошлись во мнении, что голод был вызван совокупностью факторов. Российские историки В.П.Данилов, Н.А.Ивницкий, И.Е.Зеленин, В.В.Кондрашин и другие предполагали, что голод наступил вследствие субъективно-политических обстоятельств.

Таким образом, историография располагает большим количеством исследований по истории советской деревни в 1930—1940 годы, но ученые больше занимались изучением процесса коллективизации с позиций ее необходимости и закономерности, а не с позиций эффективности и перспективы ее форм. Еще не написано обобщающих работ, в которых содержался бы глубокий анализ аграрного производства страны в данный период. Проблема продовольственного обеспечения населения выпала из поля зрения историков и практически не изучалась.

Примечания

¹ Алексеева, Л.В. Экономическое развитие Обь-Иртышского Севера в 1917—1941 гг.: Трансформация хозяйственного уклада. — Екатеринбург, 2003.

² Алексеева, Л.В. Хозяйство Остяко-Вогульского округа в первой половине 1930-х гг. // Тюменский исторический сборник. — Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2000. — Вып. 4.

³ Кобышева, И.И. История землепользования и землеустройства 1917—1941 гг. (на материалах Ханты-Мансийского автономного округа). — Нижневартовск, 2009.

⁴ Ланцов, С.А. Теория политической модернизации и становление парламентской демократии в России // Правоведение. — 1995. — № 4—5.

⁵ Володин, А.Г. Гражданское общество и модернизация в России (истоки и современная проблематика) // Полис. — 2000. — № 3. — С. 104.

О ТЕХНОЛОГИИ РАЗВИТИЯ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Формирование критического мышления в период расширения информационного пространства приобретает особую актуальность. Под критическим мышлением в обучающей деятельности понимают совокупность качеств и умений, обуславливающих высокий уровень исследовательской культуры, а также «мышление оценочное, рефлексивное», для которого знание является не конечной, а отправной точкой, аргументированное и логичное мышление, которое базируется на личном опыте и проверенных фактах¹. Поскольку в настоящее время школа призвана воспитать свободную, развитую и образованную личность, владеющую определенным субъективным опытом, способную ориентироваться в условиях постоянно меняющегося мира, постольку использование технологии развития критического мышления является одним из способов решения поставленной перед современной школой задачи.

Технология «Развитие критического мышления» разработана Международной ассоциацией чтения университета Северной Айовы и колледжей Хобарда и Уильяма Смита. Авторы программы - Чарльз Темпл, Джинни Стил, Курт Мередит. Эта технология является системой стратегий и методических приемов, предназначенных для использования в различных предметных областях, видах и формах работы. Она позволяет добиваться таких образовательных результатов как умение работать с увеличивающимся и постоянно обновляющимся информационным потоком в разных областях знаний; умение выражать свои мысли (устно и письменно) ясно, уверенно и корректно по отношению к окружающим; умение вырабатывать собственное мнение на основе осмысления различного опыта, идей и представлений; умение решать проблемы; способность самостоятельно заниматься своим обучением (академическая мобильность); умение сотрудничать и работать в группе; способность выстраивать конструктивные взаимоотношения с другими людьми.

Современные исследователи в области методов развития критического мышления, как на Западе (Д.Халперн, К.Мередит, Д.Стил, Ч.Темпл, С.Уолтер и др.), так и в России (М.В.Кларин, С.И.Заир-Бек, И.О.Загашев, И.В.Муштавинская и др.) под критическим мышлением понимают совокупность качеств и умений, обуславливающих высокий уровень исследовательской культуры².

Из авторов, специализирующихся на общей теории развития критического мышления, из отечественных ученых можно выделить Загашева Игоря Олеговича, Заир-Бек Сергея Измаиловича, Муштавинскую Ирину Валентиновну. Из зарубежных авторов данной специализации можно назвать С.Уолтер, Д.Клустер, Д.Халперн.

Один из авторов технологии РКМЧП Д.Клустер в своей статье «Что такое критическое мышление?» выделяет следующие параметры критического мышления³:

1. Критическое мышление есть мышление самостоятельное.
2. Информация является отправным, а отнюдь не конечным пунктом критического мышления.
3. Критическое мышление начинается с постановки вопросов и выяснения проблем, которые нужно решить.
4. Критическое мышление стремится к убедительной аргументации.
5. Критическое мышление есть мышление социальное.

Технология РКМЧП представляет собой целостную систему, формирующую навыки работы с информацией в процессе чтения и письма⁴. Она направлена на освоение базовых навыков открытого информационного пространства, развитие качеств гражданина открытого общества, включенного в межкультурное взаимодействие. Технология открыта для решения большого спектра проблем в образовательной сфере.

Технология «Развитие критического мышления через чтение и письмо» относится к типу рамочных. Своеобразной рамкой, в которую вписывается урок, является так называемая базовая модель технологии, состоящая из трех этапов (стадий): стадии вызова, смысловой стадии и стадии рефлексии.

Такая структура урока, по мнению психологов, соответствует этапам человеческого восприятия: сначала надо настроиться, вспомнить, что тебе известно по этой теме, затем познакомиться с

новой информацией, потом подумать, для чего тебе понадобятся полученные знания и как ты их сможешь применить⁵.

Каждая фаза имеет свои цели и задачи, а также набор характерных приемов, направленных сначала на активизацию исследовательской, творческой деятельности, а потом на осмысление и обобщение приобретенных знаний⁶.

Первая стадия — «вызов», во время которой у учащихся активизируются имевшиеся ранее знания, пробуждается интерес к теме, определяются цели изучения предстоящего учебного материала.

Вторая стадия — «осмысление» — содержательная, в ходе которой и происходит непосредственная работа ученика с текстом, причем работа, направленная, осмысленная. Процесс чтения всегда сопровождается действиями ученика (маркировка, составление таблиц, ведение дневника), которые позволяют отслеживать собственное понимание. При этом понятие «текст» трактуется весьма широко: это и письменный текст, и речь преподавателя, и видеоматериал.

Третья стадия — «рефлексия» — размышления. На этом этапе ученик формирует личностное отношение к тексту и фиксирует его либо с помощью собственного текста, либо своей позиции в дискуссии. Именно здесь происходит активное переосмысление собственных представлений с учетом вновь приобретенных знаний.

Тексту отводится приоритетная роль: его читают, пересказывают, анализируют, трансформируют, интерпретируют, дискутируют, наконец, сочиняют. Учащемуся надо освоить свой текст, выработать собственное мнение, выразить себя ясно, доказательно, уверенно. Чрезвычайно важно умение слушать и слышать другую точку зрения, понимать, что и она имеет право на существование. Роль учителя — в основном координирующая.

Популярным методом демонстрации процесса мышления является графическая организация материала⁷. Модели, рисунки, схемы и т.п. отражают взаимоотношения между идеями, показывают учащимся ход мыслей. Процесс мышления, скрытый от глаз, становится наглядным, обретает видимое воплощение.

В последнее время все больший интерес у методистов и учителей предметников вызывают так называемые открытые педагогические технологии. Они позволяют вовлечь учащихся в процесс поиска и анализа информации, что дает возможность ученикам

самим добывать знания на уроке, а не быть лишь пассивными слушателями. А, как известно, самостоятельно добытые знания усваиваются более прочно.

К открытым педагогическим технологиям относится и технология развития критического мышления через чтение и письмо. Данная технология является общепедагогической, надпредметной, представляет собой целостную систему, формирующую навыки работы с информацией в процессе чтения и письма. Она предлагает систему конкретных методических приемов, которая может быть использована в различных предметных областях (филологической, математической, естественнонаучной и т.д.) и для учащихся разных возрастных групп (начальная школа, средняя школа, вузы, учреждения повышения квалификации). Это современная «надпредметная» универсальная технология, открытая к диалогу с другими педагогическими подходами и технологиями, ориентированными на решение актуальных образовательных задач. Технология формирует базовые навыки человека, открытого информационного пространства, развивает качества гражданина открытого общества, включенного в межкультурное взаимодействие.

Технология является личностно-ориентированной и позволяет решать широкий спектр образовательных задач: обучающих, воспитательных и развивающих. В условиях динамично меняющегося мира очень важно помочь каждому человеку получить возможность включиться в межкультурное взаимодействие, сформировать базовые навыки человека открытого информационного пространства и научиться эти навыки применять.

Примечания

¹ Загашев, И.О., Заир-Бек, С.И. Критическое мышление: технология развития // URL: <http://www.altai.fio.ru>.

² Загашев, И.О. Новые педагогические технологии в школьной библиотеке: образовательная технология развития критического мышления средствами чтения и письма // URL: <http://www.lib.lseptember.ru/2004/17/15.htm>.

³ Клустер, Д. Что такое критическое мышление? // Перемена: Международный журнал о развитии мышления через чтение и письмо. — 2001. — № 4. — С. 36—40.

⁴ Козырь, Е.В. Использование новых информационных технологий в обучении иностранному языку // URL: <http://www.it-n.ru>.

⁵ Жакулина, И.В. Модуль 2. Приемы ТРКМЧП и их применение на уроках в начальных классах // URL: <http://www.it-n.ru>.

⁶ Столбунова, С.В. Развитие критического мышления. Апробация технологии // URL: <http://www.rus.1september.ru/articlef.php?ID=200302802>.

⁷ Семенов, И.Н. Психология рефлексии в организации творческого процесса мышления // URL: <http://www.childpsy.ru>.

Л.В.Алексеева

**ОБ ИЗУЧЕНИИ ТЕХНОЛОГИИ РАЗВИТИЯ
КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ
СТУДЕНТАМИ-ИСТОРИКАМИ
НИЖНЕВАРТОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Проблема перехода на двухуровневую систему подготовки в сфере высшего образования потребовала серьезного пересмотра существующих подходов к преподаванию и трансформации учебного процесса. Одновременно модернизация образования сделала актуальной проблему внедрения иных (более продуктивных) технологий и в школьную практику. Одной из них стала технология развития критического мышления через чтение и письмо. Эта технология является системой стратегий и методических приемов, предназначенных для использования в различных предметных областях, видах и формах работы. Она позволяет добиваться таких образовательных результатов как умение работать с увеличивающимся и постоянно обновляющимся информационным потоком в разных областях знаний; умение выражать свои мысли (устно и письменно) ясно, уверенно и корректно по отношению к окружающим; умение вырабатывать собственное мнение на основе осмысления различного опыта, идей и представлений; умение решать проблемы; способность самостоятельно заниматься своим обучением (академическая мобильность); умение сотрудничать и работать в группе; способность выстраивать конструктивные взаимоотношения с другими людьми.

В 1979 году члены «Римского клуба» (Римский клуб (Club of Rome) — международная неправительственная организация, деятельность которой направлена на стимулирование изучения глобальных проблем; основан в 1968 итальянским менеджером и общественным деятелем А.Печчеи) определили сложившуюся систему образования как «поддерживающую», т.е. основанную на «фиксированных методах и правилах, предназначенных для того, чтобы справляться с уже известными, повторяющимися ситуациями». В качестве альтернативы предлагалось «инновационное обучение», которое должно было воспитывать у учеников ответственность за будущее, веру в себя и свою способность влиять на это будущее. Это стало началом формирования двух подходов к обучению: традиционного и инновационного. Различие между ними в том, что традиционное обучение направлено на усвоение правил деятельности в повторяющихся ситуациях, а инновационное подразумевает развитие способностей к совместным действиям в новых, возможно, беспрецедентных ситуациях. Однако изменения стали происходить и в традиционном, и в инновационном обучении. В традиционном — сложилось представление об обучении, как процессе с фиксированными, детально описанными ожидаемыми результатами. В рамках этого подхода идет поиск более эффективной организации усвоения заданных образцов, достижения четко заданных эталонов. Обновление учебного процесса ориентировано на традиционные дидактические задачи репродуктивного обучения. Для инновационного обучения характерен поиск инструментария учебно-исследовательской деятельности и форм ее организации, а также ролевого и имитационного моделирования, которое направлено на формирование творческого и критического мышления. Развитие этих двух тенденций, обновление их организационной, а также инструментальной структуры и составляют большую часть инноваций в сфере образования.

Для российского образования технология развития критического мышления является инновацией. Данная технология начала проникать в российские школы и применяться на уроках с 2000-х годов, когда стали четко проявляться недостатки образовательной системы и началась модернизация образования. Стали говорить о низком качестве образования и низкой образованности учащихся. В связи с этими проблемами и стала применяться в школах РФ

технология развития критического мышления — как способ активизации и максимального обучения учащихся именно за время урока. Многолетняя работа автора, в том числе и с учителями общеобразовательной школы на курсах повышения квалификации свидетельствовала, что они не имеют представлений о данной технологии. Сначала элементы технологии позиционировались как приемы интерактивного обучения, и только к концу десятилетия стало возможным начать внедрение технологии в учебный процесс (применительно к ХМАО и ЯНАО). В Нижневарттовском государственном гуманитарном университете раздел о технологии критического мышления через чтение и письмо был введен в курс «Теория и методика обучения истории и обществознанию» в 2002 г. В 2005 г. вышла книга автора, где имелся параграф о построении урока по технологии критического мышления и в период педагогической практики студенты должны были наряду с традиционными уроками, попытаться конструировать и проводить урок по технологии развития критического мышления. С переходом на бакалавриат в 2006 г. модель изучения студентами технологии сформировалась и включала в себя следующие этапы:

1. Лекция о развитии критического мышления и технологии (ТРКМЧП)
2. Самостоятельное изучение материалов и педагогического опыта по технологии, его обсуждение.
3. Знакомство с приемами и стратегиями технологии на лабораторном занятии.
4. Разработка урока по технологии и его презентация.
5. Участие в конкурсе «Педагогический дебют».
6. Разработка экспериментальных уроков и их апробация в ходе педагогической практики.
7. Разработка тем курсовых работ и ВКР.
8. Включение вопроса о ТРКМЧП в экзамен сессии и итоговой аттестации.

Трудности освоения технологии обнаружились сразу же. Одна из них — отсутствие опыта интерактивного обучения у студентов. Стало очевидно, что без организации учебного процесса на интерактивной основе, едва ли возможно поменять на ментальном уровне отношение к иному обучению, изменению роли учителя и

учащихся в учебном процессе. Систематическое применение в курсе МПИиО методов интерактивного обучения, приемов ТРКМЧП позволило начать распространение технологии в учительской среде, главным образом, в базовых школах прохождения подработки студентами. Попытки применения технологии в школьной практике с одной стороны вызвали интерес у учащихся, а с другой — неприятие, поскольку они привыкли к пассивному обучению, однако, к концу практики учащиеся адаптировались к новому обучению и получали значительно более высокие результаты. В период практики в школе студенты не только применяли трехфазную структуру урока, но и целенаправленно обращали внимание на решение следующих задач в отношении учащихся: научить выделять причинно-следственные связи; рассматривать новые идеи и знания в контексте уже имеющихся; отвергать ненужную или неверную информацию; понимать, как различные части информации связаны между собой; выделять ошибки в рассуждениях; делать вывод о том, чьи конкретно ценностные ориентации, интересы, идейные установки отражают текст или говорящий человек; избегать категоричности в утверждениях; быть честным в своих рассуждениях; определять ложные стереотипы, ведущие к неправильным выводам; выявлять предвзятые отношения, мнение и суждение; уметь отличать факт, который всегда можно проверить, от предположения и личного мнения; подвергать сомнению логическую непоследовательность устной или письменной речи; отделять главное от существенного в тексте или в речи и уметь акцентировать на первом.

Выпускники бакалавриата в период итоговой аттестации продемонстрировали понимание технологии РКМЧП, которая представляет собой целостную систему, формирующую навыки работы с информацией в процессе чтения и письма; она направлена на освоение базовых навыков открытого информационного пространства, развитие качеств гражданина открытого общества, включенного в межкультурное взаимодействие. Студенты уверенно представляют акценты целей технологии РКМЧП (формирование нового стиля мышления, для которого характерны открытость, гибкость, рефлексивность, осознание внутренней многозначности позиции и точек зрения, альтернативности принимаемых решений; развитие таких базовых качеств личности, как критическое

мышление, рефлексивность, коммуникативность, креативность, мобильность, самостоятельность, толерантность, ответственность за собственный выбор и результаты своей деятельности; развитие аналитического, критического мышления).

Своего рода некоторым итогом работы всех студентов по технологии критического мышления стала подготовка и блестящая защита ВКР выпускницы 2010 г. бакалавриата Д.Ажгибковой по теме: «Технология развития критического мышления на уроках истории», где автор убедительно повела мысль о том, что ТРКМЧП — это, прежде всего, формирование культуры чтения, включающей в себя умение ориентироваться в источниках информации, пользоваться различными стратегиями чтения, адекватно понимать прочитанное, сортировать информацию с точки зрения ее важности, «отсеивать» второстепенную, критически оценивать новые знания, делать выводы и обобщения. ТРКМЧП стимулирует самостоятельную поисковую творческую деятельность, запускает механизмы самообразования и самоорганизации. Она подчеркнула, что ни объем знаний или количество информации является целью образования, а то, как ученик умеет управлять этой информацией: искать, наилучшим способом присваивать, находить в ней смысл, применять в жизни. Не присвоение «готового» знания, а конструирование своего, которое рождается в процессе обучения. В основе коммуникативно-деятельный принцип обучения, предусматривающий диалоговый, интерактивный режим занятий, совместный поиск решения проблем, а также «партнерские» отношения между педагогом и обучаемыми. Умение мыслить критически — это не выискивание недостатков, а объективная оценка положительных и отрицательных сторон в познаваемом объекте. Простые и чрезмерные обобщения, стереотипные слова, клише, штампы, неподтвержденные предположения не всегда точны и могут вести к формированию стереотипов.

Опыт работы по изучению и применению ТРКМЧП как в вузе, так и общеобразовательной школе свидетельствует, что данная технология универсальна, она приемлема в любой программе и применима к любому предмету. Этапы технологии РКМЧП не обязательно имеют место на одном занятии, это может быть серия (система) занятий. Но очень важно, чтобы цикл «вызов — осмысление содержания — рефлексия» был завершен и имел

выход на следующий «вызов». Данная технология позволяет систематизировать имеющиеся у студентов и школьников знания, расширить запас остаточных знаний, создать предпосылки для организации работы на третьей стадии.

Л.В.Алексеева

РОССИЯ И МИР В ЭПОХУ ИННОВАЦИЙ: СТРАТЕГИИ ИНЕРЦИОННО-РЫНОЧНОГО И ИННОВАЦИОННОГО ПРОРЫВА

Научно-технический прогресс обеспечивает скорость и качество развития современной цивилизации. Мир вступил в новую эпоху — эпоху инноваций. Задолго до ее появления индустриальное общество пережило несколько этапов: 1. 1950—1960-е гг. — эпоха эффективности; 2. 1970 — 1980-е гг. — эпоха качества; 3. 1980 — 1990-е гг. — эпоха гибкости. И вот настала эпоха инноваций. Инновации могут выступать в самых различных формах.

Термин «инновация» был предложен австрийским экономистом Джозефом Шумпетером, который определил его как коммерциализацию всех новых комбинаций, основанных на: применении новых материалов и компонентов; введении новых процессов; открытии новых рынков; введении новых организационных форм. Другими словами, согласно данному определению, инновации — это одновременное проявление двух миров, а именно мира техники и мира бизнеса. Когда изменение происходит только на уровне технологии, Д.Шумпетер называет его изобретением. И только тогда, когда к изменениям подключается бизнес, они становятся инновациями¹.

По своим масштабам инновации могут быть самыми разными: малые, постепенные, крупные, прорывного характера и радикальные. Для того, чтобы внедрять инновации в постоянном режиме, необходимо обладать соответствующими знаниями. Управление знаниями — одна из ключевых составляющих управления процессом инноваций.

Джеймс Брайен Куинн выделил следующие черты инноваций: ориентируются на удовлетворение потребностей; носят вероятностный характер; отличаются сложностью; требуют много времени; склонны к внезапным резким ускорениям, задержкам, сопротивлению, возникновению препятствий; во многом полагаются на интуицию и неявно выраженное знание; начинаются фанатиками идеи или ее активными сторонниками². Итак, в зарубежной экономической литературе инновации повсеместно принято рассматривать в качестве магистрального пути, обеспечивающего постоянный рост и процветание компании.

По определению Ф.Янсена инновации могут быть описаны как явления, имеющие, по крайней мере, один из следующих аспектов: технологический; прикладной; рыночного сегментирования; организационный. Именно данные четыре аспекта и определяют инновационную деятельность³.

Каждый исторический период времени имеет свои измерения, свои горизонты предвидения, свою высоту инновационных волн, меняющих общество. Именно в такую эпоху **бурных перемен** вступило человечество на рубеже третьего тысячелетия. Все стороны привычной жизни и динамики общества радикально меняются. Мир становится неузнаваемым и требует нового понимания со стороны ученых, долгосрочной стратегии государственных и политических деятелей, лидеров бизнеса, иного образа мыслей и действий ныне преобладающего поколения, несущего историческую ответственность как перед прошлыми, так и перед будущими поколениями. Промышленность все активнее применяет в производстве товаров и услуг новые технологии. Даже самые традиционные цитадели экономики — банки, очень быстро меняются: здесь все быстрее и быстрее разрабатываются новые финансовые инструменты. И в этих организациях технология стала одним из основных двигателей изменений и инноваций. В тех же отраслях промышленности, где инновации стали обычным делом, компании соревнуются в скорости их внедрения. Победить в конкурентной борьбе теперь можно только в том случае, если ты будешь самым быстрым, предлагать продукцию самого высокого качества, выбирать наиболее привлекательные стилевые решения и т.п. Ключевая роль в инновационном развитии принадлежит

науке и высоким технологиям, игнорирование этого фактора может иметь необратимые последствия для страны.

Россия в начале XXI в. стоит перед необходимостью выбора долгосрочной стратегии социально-экономического и инновационно-технологического развития. Какой она будет, эта стратегия? Если сохранится инерционно-рыночный путь развития при минимизации роли и ответственности государства, страна, исчерпав внешние источники роста, окажется на обочине мирового научно-технологического прогресса, ее продукция потеряет конкурентоспособность. Противоречия будут нарастать. В 2004 г. известные российские ученые член-корр. РАН Б.Н.Кузык и академик РАЕН Ю.В.Яковец опубликовали монографию «Россия 2050. Стратегия инновационного прорыва», в которой доказывают необходимость выбора и реализации стратегии инновационного прорыва. Несмотря на неблагоприятные стартовые позиции, Россия пока еще сохраняет возможности для такого прорыва. Для этого потребуются реструктуризировать научный потенциал и использовать отечественные изобретения, обеспечить подъем высокотехнологического сектора, модернизировать энергосектор, трансформировать потребительский сектор, использовать резервы интеграции и глобализации. Ресурсы для прорыва — инновационное наполнение инвестиций, эффективное использование рентных доходов, инновационное партнерство предпринимателей, государства, творческих личностей и общества. Авторы подкрепляют свои выводы богатым статистическим материалом и расчетами с использованием воспроизводственно-циклической макромоделей, предлагают проект стратегии инновационного развития России на период до 2030 г. и прогноз инновационного развития России на период до 2050 г. с учетом мировых тенденций.

В эпоху радикальных перемен предвидение будущего и основанная на нем долгосрочная стратегия становятся весьма сложным делом — но и жизненно необходимым, судьбоносным. Отказ государственной, деловой, научной элиты от дальнего видения долгосрочного стратегического горизонта почти наверняка ведет перенаселенный корабль цивилизации, страны к блужданию в бурном море перемен, потере перспектив, к цивилизационной и национальной катастрофе. Это убедительно подтвердили последние два десятилетия ушедшего века. Особенно актуальна проблема

выбора долгосрочной стратегии для России. Цивилизация, достигшая вершины своей тысячелетней истории в 50—60-е годы XX в., распалась из-за допущенных стратегических ошибок, неправильно выбранного курса, двинулась — не вперед, к постиндустриальному обществу XXI в., а назад, в эпоху первоначально накопления капитала и стихийной игры рыночных сил, политической раздробленности. Расплачиваться за ошибки правящей элиты пришлось многострадальному народу. В первые годы нового столетия с трудом удалось несколько поправить курс, остановиться у пропасти и даже попятиться назад от нее. Но слишком многое утрачено за короткий период, инерция распада и потери конкурентоспособности продолжает действовать. И до сих пор нет внятной долгосрочной государственной стратегии, обеспечивающей преодоление тяжелых последствий национальной катастрофы 90-х, выход на просторы глобализованного постиндустриального мира XXI в. В ближайшие годы перед учеными, государственными деятелями, деловыми лидерами стоит историческая задача (и ответственность) выбора долгосрочной стратегии развития страны, как минимум, на первую половину наступившего столетия. Достаточно четко прорисовываются контуры двух вариантов этой стратегии — инерционно-рыночного и инновационно-прорывного.

Инерционно-рыночная стратегия покоится на идеологии неолиберализма и рыночного фундаментализма, уповает на всемогущество рынка при пассивной роли государства, отказавшегося от выполнения своей стратегически-инновационной функции, на дальнейшее открытие экономики для ТНК, использующих страну как источник энергосырьевых ресурсов и рынок сбыта своей продукции. Следствием такой стратегии будет откатывание страны на периферию мирового научно-технологического переворота и экономического прогресса, дальнейшая потеря конкурентоспособности экономики и ее подчинение авангардным странам и ТНК, новые бедствия для истощенного предыдущими экспериментами большинства населения, растущая угроза потери самостоятельности страны.

Авторы монографии придерживаются необходимости выбора и реализации **стратегии инновационного прорыва**, концентрации усилий народа, государства, бизнеса на освоении принципиально

новых, конкурентоспособных технологий и продуктов, инновационного обновления критически устаревшего производственного аппарата, перехода к инновационному пути развития страны, повышения роли и ответственности государства за выбор и реализацию стратегии, за освоение и распространение новых поколений техники и технологий, за эффективность интеграционных процессов, за содействие повышению инновационной активности предпринимателей, ученых, конструкторов, инженеров — молодого поколения, которому предстоит принимать судьбоносные решения и осуществлять их в предстоящие десятилетия. Только на этой основе можно, по их мнению, обеспечить высокие темпы экономического роста и социального развития⁴.

Примечания

¹ Янсен, Ф. Эпоха инноваций. — М., 2002. — С. 3—4.

² Там же. — С. 43.

³ Там же. — С. 12.

⁴ См.: Кузык, Б.Н., Яковец, Ю.В. Россия 2050. Стратегия инновационного прорыва. — М., 2004.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ажгибкова Д.В. — бакалавр социально-экономического образования, студентка 1 курса магистратуры кафедры истории России Нижневартовского государственного гуманитарного университета.

Алексеева Л.В. — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Нижневартовского государственного гуманитарного университета.

Гололобов Е.Е. — доктор исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Сургутского государственного педагогического университета.

Иzubчикова Н.В. — аспирант кафедры истории России Нижневартовского государственного гуманитарного университета (г.Мегион).

Король Ж.В. — кандидат исторических наук, ведущий инженер, преподаватель кафедры безопасности жизнедеятельности химико-технологического факультета Сургутский государственный университет.

Пирогова И.В. — студентка 4 курса бакалавриата профиль «история» Нижневартовского государственного гуманитарного университета.

Сапожникова Н.В. — кандидат исторических наук, доктор философских наук, профессор кафедры истории России Нижневартовского государственного гуманитарного университета.

Салимова Н.С. — кандидат исторических наук, преподаватель Нижневартовского социально-гуманитарного колледжа.

Силаева И.А. — соискатель кафедры истории России Нижневартовского государственного гуманитарного университета.

Симачкова Н.Н. — кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой теории и истории государства и права Нижневартовского экономико-правового института (филиал) Тюменского государственного университета.

Солодкин Я.Г. — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Нижневартковского государственного гуманитарного университета.

Солодкин Р.Я. — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков Нижневартковского государственного гуманитарного университета.

Цысь В.В. — доктор исторических наук, доцент кафедры истории России Нижневартковского государственного гуманитарного университета.

Цысь О.П. — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Нижневартковского государственного гуманитарного университета.

Фарносова В.В. — зав. службой по охране памятников комитета по культуре и кино администрации Березовского района (р.п.Березово).

Феоктистова Ю.В. — аспирант кафедры истории России Нижневартковского государственного гуманитарного университета (г.Ноябрьск).

Харлова Е.В. — аспирант кафедры истории России Сургутского государственного университета.

Харлова Л.В. — аспирант кафедры истории России Сургутского государственного университета.

Чорэф М.М. — соискатель Тюменского государственного университета.

Чукова А.С. — студентка 4 курса бакалавриата профиль «история» Нижневартковского государственного гуманитарного университета.

Яроцкий П.А. — студент 4 курса бакалавриата профиль «история» Нижневартковского государственного гуманитарного университета.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ	3
<i>Солодкин Я.Г.</i> Князь Самар и его «городок» (к предыстории Ханты-Мансийска).....	3
<i>Чореф М.М.</i> Петр Симон Паллас — исследователь Западной Сибири	25
<i>Король Ж.В.</i> Историографический обзор благоустройства в деятельности городского общественного управления Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX вв.	29
<i>Яроцкий П.А.</i> Город Тобольск в период пребывания царской семьи (Романовых) (1917—1918).....	46
<i>Гололобов Е.И.</i> Правовые основы государственной политики в сфере природопользования и охраны окружающей среды на Обь-Иртышском Севере в 1920-е гг. (историографический аспект)	48
<i>Феоктистова Ю.В.</i> Историография 1920-х гг. о развитии оленеводства на севере Западной Сибири.....	51
<i>Пирогова И.В.</i> Роль научных экспедиций 1920-х гг. в административно-территориальных и экономических преобразованиях на Тобольском Севере	55
<i>Харлова Е.В.</i> Обслуживание пассажиров речного транспорта Западной Сибири в 1933 — первой половине 1941 г.	60
<i>Алексеева Л.В.</i> Обзор документов фонда Ханты-Мансийского окрисполкома ГАХМАО периода Великой Отечественной войны.....	63

<i>Салимова Н.С.</i>	
О состоянии ликвидации неграмотности населения ХМАО в годы Великой Отечественной войны	66
<i>Чукова А.С.</i>	
О проблеме обеспечения продуктами питания и ее решении в эвакуированных детских учреждениях Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941—1945).....	68
<i>Фарносова В.В.</i>	
Участие коми в торговле села Мужы в XX в.	72
<i>Харлова Л.В.</i>	
Музейное дело Ханты-Мансийского автономного округа в условиях развития нефтегазовой промышленности (середина 1960-х — начало 1990-х гг.).....	77
РАЗДЕЛ 2. ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ЮГРЕ.....	81
<i>Сапожникова Н.В.</i>	
65-летие победы и «живые голоса истории»: вопросы и некоторые ответы	81
<i>Изубчикова Н.В.</i>	
Основные концепции в исследованиях аграрных трансформаций в России в 1930—1945 гг. (рекомендации студентам).....	86
<i>Изубчикова Н.В.</i>	
История изучения роли крестьянства в становлении и развитии сельскохозяйственного производства (материалы к изучению спецкурса)	90
<i>Ажгибкова Д.В.</i>	
О технологии развития критического мышления	96
<i>Алексеева Л.В.</i>	
Об изучении технологии развития критического мышления студентами-историками Нижневартковского государственного гуманитарного университета	100

Алексеева Л.В.

Россия и мир в эпоху инноваций: стратегии инерционно-рыночного и инновационного прорыва	105
Сведения об авторах	110

Научное издание

80 ЛЕТ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОМУ АВТОНОМНОМУ ОКРУГУ

ВЕХИ ИСТОРИИ

Материалы региональной научной конференции

г. Нижневартовск, 10 декабря 2010

Изд. лиц. ЛР № 020742. Подписано в печать 24.12.2010
Формат 60×84/16. Бумага для множительных аппаратов
Гарнитура Times. Усл. печ. листов 7,25
Тираж 500 экз. Заказ 1151

Отпечатано в Издательстве

*Нижневартовского государственного гуманитарного университета
628615, Тюменская область, г. Нижневартовск, ул. Дзержинского, 11
Тел./факс: (3466) 43-75-73, E-mail: izdatelstvo@nggu.ru*

